

ФРЭНК

ГЕРБЕРТ

**ТЕРМИТНИК
ХЕЛЛСТРОМА**

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Фрэнк Герберт

Термитник Хеллстрома

«Издательство АСТ»

1973

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Герберт Ф.

Термитник Хеллстрома / Ф. Герберт — «Издательство АСТ»,
1973 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-156144-4

Уединенная безлюдная ферма, затерявшаяся между холмами в долине Бегущей Воды, пользуется в округе дурной славой. Местные жители обходят ее стороной – слишком странная эта ферма. И если бы только странная... Говорят, время от времени здесь пропадают люди. Агентство, действующее в связке с ФБР, получает информацию, что в подземельях под фермой, принадлежащей влиятельному экоактивисту и режиссеру документальных фильмов Нилсу Хеллстрому, живет огромная высокоразвитая колония людей, организованная по принципу сообщества термитов. Агентство отправляет на объект «Ферма» команду разведчиков...

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-156144-4

© Герберт Ф., 1973
© Издательство АСТ, 1973

Фрэнк Герберт

Термитник Хеллстрома

Frank Herbert
Hellstrom's Hive

© Herbert Properties LLC, 1972, 1973

© Перевод. В. Миловидов, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

*Впервые роман был напечатан в журнале «Гэлакси» под названием
«Проект-40»*

*Написано праmaterью Тровой Хеллстром:
«Приветствую день, когда чаны для переработки поглотят меня
и я стану единым целым со своим народом».
26 октября 1986 года*

Человек с биноклем в руках, извиваясь, полз по нагретой солнцем поляне. В траве шуршали насекомые. Он терпеть не мог насекомых, но сегодня ему было на них наплевать. Главное – добраться до тени, отбрасываемой дубами, которые росли на гребне холма, да еще не потревожить спасительных зарослей, с которых на его руки падали колючки и всякая ползучая мелочь.

Смуглое узкое лицо с глубокими морщинами выдавало его возраст. Ему можно было дать лет пятьдесят, если бы не черные волосы, выбивавшиеся из-под охотничьей шляпы цвета хаки, и быстрые уверенные движения тренированного тела.

Добравшись до гребня, человек несколько раз глубоко вдохнул и протер линзы бинокля чистым льняным платком. Осторожно раздвинул стебли сухой травы и, настроив бинокль, принялся изучать ферму, раскинувшуюся внизу, на открывшейся с холма долине. Легкая дымка, поднимавшаяся над нагретой августовским солнцем землей, смазывала картинку, которую давал его мощный, сделанный по особому заказу бинокль с десятикратным увеличением и с объективом на шестьдесят миллиметров. Человек обходился с прибором как с винтовкой во время выстрела – затаивал дыхание и сканировал местность быстрым взглядом, удерживая в неподвижности дорогую игрушку из стекла и металла, способную самые отдаленные объекты представлять в мельчайших деталях.

Перед его усиленным техникой взором появилась ферма – на отшибе от всего мира и безлюдная. Простиравшаяся в длину на полмили, в ширину она была не более пятисот ярдов. В дальней ее части тонкий ручеек струился по гладким черным камням. Здания фермы были разбросаны по открытой площадке на противоположном берегу узкого ручья, и, глядя на его извилистое, опущенное ивняком русло, трудно было представить, что тут творится весной, когда по долине несутся потоки паводковой воды. Валуны, торчавшие по берегам ручья, поросли зеленым мхом, а в неглубоких омуты вода стояла почти неподвижно.

Постройки располагались на отшибе, подальше от ручья – потертые временем и погодой дощатые стены с матовыми окнами, резко контрастирующие с аккуратными рядами насаждений, которые параллельными рядами тянулись за оградами и занимали остальную часть долины. Центральным местом среди строений был дом в простецком стиле «солтбокс»,

но с двумя крыльями и эркером, чье окно смотрело на ручей. Справа от дома возвышался амбар с большими дверями на втором уровне и неким подобием купола на коньке крыши. Окон у амбара не было, зато в стену, по всей ее длине, были вмонтированы вентиляторы. На холме позади амбара стоял полуразвалившийся фуражный сарай, по эту сторону дома – небольшой флигель, а чуть поодаль – еще одно деревянное строение, похоже, отслужившая свой век насосная станция. В северной части долины, возле окружавшего ферму забора, громоздился бетонный куб шириной футов двадцать, с плоской крышей – не иначе как новая насосная, напоминавшая, впрочем, оборонительное сооружение, нечто вроде дота.

«Долина и ферма выглядели точно так, как ему описывали», – отметил человек с биноклем, которого звали Карлос Дипо. Все в облике этого клочка земли смотрелось странно, и это бросалось в глаза. Хотя из амбара доносилось ясно слышимое, раздражающее ухо гудение каких-то механизмов, на всей территории не было видно ни души. От ближайшей деревушки к ферме вела однополосная дорога, она обрывалась около северных ворот, располагавшихся за насосной; но к постройкам тянулась лишь едва приметная тропинка, на ней с трудом можно было различить следы от колес легкой тачки. Тропинка вела от ворот к главному дому и большому амбару.

Откосы холмов, окружавших долину, были крутыми, а на стороне, противоположной тому месту, где лежал Дипо, даже громоздились скалы бурого камня. Такой же скалистый участок был и справа от наблюдателя, на расстоянии сотни футов. Несколько звериных троп вились пыльными лентами через заросли дуба и мадроны, пересекая откосы долины. В южном углу долины коричник бросал ажурную тень на черные камни, с которых в ручей срывался водопад. К северу, за границами фермы, долина завершалась обширными луговыми пастбищами, по ним были рассыпаны рощицы сосны, дуба и мадроны. Там паслись стада, и, хотя между пастбищами и фермой не было загорожек, по состоянию высокой травы в непосредственной близости от фермы можно было понять, что животные по какой-то причине избегают подбираться слишком близко. Это обстоятельство также было отмечено в докладах, которые штудировал Дипо.

Удовлетворившись тем, что вид долины полностью совпадал с ее описаниями, Дипо отполз назад и забрался в тень, отбрасываемую дубом. Там он перевернулся на бок и стащил со спины маленький рюкзак. Он знал, что его одежда сливается с травой, но встать все равно не рискнул – предпочел лежать и слушать. В рюкзаке лежал футляр от бинокля, захватанный томик определителя птиц, отличный тридцатипятимиллиметровый длиннофокусный фотоаппарат, два сэндвича с говядиной, апельсин и пластиковая бутылка тепловатой воды.

Дипо достал сэндвич и несколько мгновений смотрел сквозь крону дуба, впрочем, ни на чем не фиксируя взгляд. Затем задумчиво тронул черные волосы, торчавшие из ноздрей. Странная ситуация. Уже середина октября, сезон сбора урожая завершился, а Агентство так и не увидело на полях фермы ни одного рабочего, хотя урожай был убран. Дипо не был фермером, но он без труда узнал щетинистую стерню, оставшуюся от пшеницы и покрывавшую поля, солома с которых была аккуратно собрана.

Почему ее убрали? На других фермах, что по пути к этой долине, поля были завалены соломой. Дипо не мог сказать точно, но, вероятно, в этом крылась еще одна причина, по которой Агентство так интересовалось фермой. Его и самого беспокоило это, и он решил, что обязательно проверит, что здесь и как.

Пока же, уверенный, что за ним никто не следит, Дипо, сев спиной к стволу дуба, сжевал один сэндвич и запил его теплой водой из бутылки. Это была первая еда, которую он позволил себе с раннего утра. Апельсин и второй сэндвич Дипо оставил на потом. Сюда, к этой точке наблюдения, его привела долгая медленная дорога от сосновой роши, где он спрятал свой велосипед. До фургона, где осталась Тимиена и откуда она вела наблюдение, от того места было еще полчаса езды на велосипеде. Дипо решил не рисковать и не вылезать из укрытия

до темноты, а потому знал, что сильно проголодается, прежде чем доберется до фургона. Такую работу ему выполнять привычно, хотя чем ближе он подбирался к ферме, тем яснее понимал, насколько необычен данный случай. Ну что же, его об этом предупреждали. Упрямство не позволило ему пересечь воображаемую линию, за которой голод выходит из-под контроля, – он пересечет ее на обратном пути. Местность оказалась более открытой, чем об этом можно было судить по фотосъемке, и спрятаться было не так просто, хотя в отчетах Портера как раз об этом и сообщалось. Дипо рассчитывал подобраться к ферме с противоположной стороны и выбрать место, где можно укрыться. Однако пришлось идти навязанным ему маршрутом, и теперь лишь густая бурая трава могла спрятать от посторонних глаз его передвижения через пастбища и подъем на гребень холма.

Покончив с едой, Дипо закрыл бутылку и отправил ее вместе со вторым сэндвичем в рюкзак, после чего бросил быстрый взгляд в сторону, откуда пришел, – не следит ли за ним кто. Никаких признаков слежки Дипо не заметил, хотя и не сумел избавиться от ощущения, что он здесь не один. Садившееся солнце высветило примятую траву, по которой он приполз на гребень. Но с этим поделаться ничего было нельзя – сломанные и примятые стебли обозначали его след, и по нему его можно было выследить.

В три часа ночи Дипо ехал через Фостервилл, размышляя о спящих горожанах, которые, как ему сказали, предпочитали о ферме не говорить. На окраине городка находился мотель, и Тимиена предложила переночевать там, прежде чем идти на разведку, но Дипо, в сложных ситуациях полагающийся на интуицию, отказался – а вдруг горожане потом о них кому-нибудь расскажут?

Ферма

В последнее время во всех отчетах Агентства слово «ферма» писалось с заглавной буквы, и началось это незадолго до того, как пропал Портер. Прямо перед рассветом Дипо подъехал к развилке, находившейся в нескольких милях от долины, и оставил там Тимиену. Теперь он был орнитолог, хотя поблизости не было ни одной птицы.

Дипо вернулся к своему наблюдательному пункту в густой траве и вновь принялся рассматривать ферму. Здесь в конце шестидесятых годов в позапрошлом веке, чтобы уберечь стада, фермеры поубивали последних представителей жившего в этих краях «дикого» индейского племени. В честь этого памятного дня долину назвали Охраняемой. Изначально же, как понял Дипо, читая примечания к некоему историческому труду, долина именовалась Долиной Бегущей Воды, причем по-индейски. Правда, с тех пор многие поколения фермеров изрядно поубавили здешние запасы воды, и вода в ручье бежала не круглый год.

Изучая долину, Дипо размышлял о том, насколько обманчивым может быть название. Случайный прохожий, не знакомый с историей этих краев, подумал бы, что своим именем долина обязана местоположению. Охраняемая долина была зоной, изолированной от внешнего мира, и доступ в нее был только с северной стороны. Склоны холмов отличались крутизной, вершины их венчались труднопроходимыми скальными наростами. *Хотя внешний вид может быть обманчив*, напомнил себе Дипо. Он успешно достиг места, откуда открывался вид на долину, а его бинокль вполне можно рассматривать как мощное оружие. А что, так оно и есть – неприметное с виду и совсем не опасное оружие, мишенью для которого служит Охраняемая долина.

Агент Дипо вошел в группу, занимавшуюся изучением долины, когда Джозеф Мерривейл, директор оперативного отдела, вызвал его на собеседование. Уроженец Чикаго, Мерривейл сознательно культивировал сильный британский акцент и, усмехнувшись, заговорил, роняя слова как булыжники:

– У нас тебе придется лишиться головы пару-тройку своих братьев по разуму.

Все, конечно, знали, насколько Дипо ненавидел даже самые малейшие проявления жестокости.

Из Проспекта стратегического развития Термитника Хеллстрома

Существенным достижением в сфере эволюционного развития насекомых стала система репродуктивной стерилизации, выработанная более ста миллионов лет назад. Данная система обеспечивала количественную фиксацию колонии как агента естественного отбора и снимала все прежние ограничения на разнообразие и качество специализации членов колонии (выраженные, в частности, в нормах кастовой дифференциации). Очевидно, если бы мы, позвоночные, были способны двигаться в том же направлении, то, имея значительно более крупный мозг, принадлежащие к нашему виду особи стали бы несравнимо более эффективными специалистами и нам не смог бы противостоять никто, даже нынешняя порода обычных людей, на основе которой мы и создадим новое человечество.

Невысокого роста человек с обманчиво юным лицом внимательно слушал, как Мерривейл инструктирует Дипо. Был понедельник, девятый час утра, и коротышка Эдвард Жанверт был удивлен не только тем, что срочное совещание назначили на столь ранний час, но и что все на него прибыли незамедлительно. Да, решил он, у Агентства проблемы.

Жанверт, которого большинство сослуживцев действительно называли Коротышкой, тщательно скрывал то, как ненавидит это прозвище. Ростом он был всего четыре фута и девять дюймов, а потому в нескольких операциях Агентства вполне успешно сходил за подростка. Мебель в офисе Мерривейла была для него велика, и Жанверт уже полчаса пытался безуспешно устроиться в огромном кожаном кресле.

Дельце предстояло деликатное, как отметил Жанверт, а к таким ситуациям он относился с недоверием. Их целью должен был стать некий энтомолог, доктор Нилс Хеллстром, и по тому, как тщательно взвешивал слова Мерривейл, становилось ясно, что у этого типа есть влиятельные друзья на самом верху. В этом бизнесе вообще было много подводных камней. Традиционные операции по обеспечению безопасности, проводимые Агентством, было трудно отделить от политики, а туда, где она была, неизбежно вмешивалась и экономика.

Вызывая Жанверта, Мерривейл лишь сообщил, что им необходимо держать в резерве вторую команду на случай, если возникнет необходимость быстро подключиться к операции.

Будут жертвы, решил Жанверт.

Он тайком бросил взгляд на Кловис Карр, чья хрупкая фигурка почти утонула в другом массивном кожаном кресле в кабинете Мерривейла. Жанверт всегда подозревал, что Мерривейл нарочно обставил свой кабинет кожаной мебелью, чтобы придать ему вид дорогого английского клуба – кто ж иначе поверит в естественность его британского акцента?

Интересно, знают ли они про нас с Кловис? – подумал Жанверт, стараясь сосредоточиться под напором словесного потока, изливаемого Мерривейлом. Любовь в Агентстве использовали в качестве оружия, когда в этом возникала необходимость. Жанверт пытался не смотреть на девушку, однако его взгляд снова и снова возвращался к ее стройной фигурке. Она была невысокой, всего на полдюйма выше его, брюнетка с дерзким выражением мягко очерченного, по-северному бледного лица, которое словно вспыхивало, когда на него падал солнечный луч. Порой Жанверт, глядя на нее, чувствовал почти физическую боль – так сильна была его любовь.

Мерривейл же тем временем описывал то, что называл «легендой Хеллстрома», и это представлялось как производство документальных фильмов про насекомых.

– Чертовски любопытно, не находите? – спросил он.

Не в первый раз за свою четырехлетнюю службу в Агентстве Жанверт пожалел, что его втягивают в подобные дела. В Агентство он попал, будучи студентом третьего курса юридического факультета, когда во время летней практики случайно нашел эту папку на столе в читальном зале факультетской библиотеки. Движимый любопытством, Жанверт заглянул в папку и обнаружил в ней весьма деликатный документ, посвященный какому-то переводчику в иностранном посольстве.

Первой реакцией Жанверта была ярость вместе с грустью – он-то полагал, будто государство уже давно не прибегает к таким способам шпионажа. Но было в папке нечто, что убедило его в том, что именно государство использует столь сложные и одновременно гнусные методы работы.

К этому моменту Жанверт уже успел пройти через период острого разочарования в профессии, которое испытывает любой первокурсник, оказавшийся один на один с университетским кампусом. Он пришел на факультет, пребывая в твердой уверенности, что закон способен разрешить все дилеммы, стоящие перед человечеством. На проверку же оказалось, что закон – что дышло, как повернул, так и вышло. И разве не закон привел его в библиотеку, где на столе валялась эта чертова папка? Одно обстоятельство потянуло за собой другое, как это бывает всегда, причем без ясно очерченных причинно-следственных связей. Началось все с того, что владелец папки застукал Жанверта за чтением вложенного туда документа.

Впрочем, дальше все выглядело вполне пристойно. На Жанверта вышло Агентство, которому принадлежал случайно прочитанный им документ. Да, он чувствовал давление, порой достаточно сильное, но все, чего они хотели – это пригласить его на работу. Ведь он из хорошей семьи – отец был серьезным бизнесменом, владельцем и управляющим магазина компьютеров в маленьком городке. Поначалу Жанверта все это забавляло.

Вскоре они предложили такую заоблачную зарплату плюс компенсацию расходов, что Жанверт серьезно задумался. Вдобавок Агентство принялось расхваливать его способности и потенциал, причем Жанверт стал подозревать, что все это они на ходу высосали из пальца, поскольку с трудом узнавал себя в их характеристиках.

Наконец маски были сброшены. Жанверту ясно дали понять, что в других правительственных конторах работы ему не найти. Это был тяжелый удар, ведь всем было известно, что он давно положил глаз на министерство юстиции. Жанверт согласился попробовать поработать на Агентство несколько лет при условии, что ему дадут возможность закончить образование. К этому времени Жанверт уже имел дело с правой рукой шефа, Дзулом Перуджем, и тот, услышав его просьбу, просиял:

– Агентству необходимы профессиональные юристы! – воскликнул он. – Порой мы испытываем в них отчаянную нужду!

Но следующие слова Перуджа насторожили Жанверта.

– Кто-нибудь говорил вам, что вы можете сойти за тинейджера? – спросил Перудж. – Это будет очень полезно, особенно для человека с юридическим образованием.

Последняя фраза прозвучала так, словно Перудж предназначал ее исключительно для себя.

Но все сложилось так, что Жанверт оказался слишком загружен работой, чтобы иметь возможность завершить образование.

– Вероятно, на следующий год, Коротышка, – говорили ему. – Ты же видишь, насколько это серьезное задание. Вы с Кловис должны...

Так он и познакомился с Кловис. Она тоже выглядела значительно моложе своих лет, а потому иногда играла роль сестренки Жанверта; порой они изображали сбежавших из дома влюбленных школьников, которых «не хотят понять» их перестарки-предки.

Постепенно Жанверт начал понимать, что документ, найденный им в библиотеке, был более деликатен, чем он предполагал, и единственной альтернативой службе в Агентстве для

него была бы могила в каком-нибудь южном болоте, причем без холмика и обычных для кладбища опознавательных знаков. Жанверт никогда не участвовал в отправке кого-нибудь «на болота», как это называли старожилы Агентства, но о подобной практике знал.

Вот так вот обстояли дела в этом Агентстве.

Агентство

Иначе его никто и не называл. Экономические операции Агентства, шпионаж и иные формы тайного вмешательства в обычную жизнь людей только укрепили Жанверта в его циничном взгляде на вещи. Мир сбросил перед ним свою маску, и Жанверт понял, что большинство его сограждан представления не имеют о том, где живут, а страна, где им довелось родиться и тянуть свое существование, является настоящим полицейским государством. Такова уж мировая практика – стоит появиться одному полицейскому государству в статусе мировой державы, как тут же, чтобы противостоять первому, возникает второе. Логика вполне очевидная! Одна сторона неизбежно начинает подражать другой – универсальное условие (так сообща решили Кловис Карр и Эдвард Жанверт). И все, что они видели вокруг себя, несло на себе отпечаток полицейского государства.

– Наше время – время полицейских государств, – подвел итог Жанверт их разговорам.

Основой их союза стало совместное желание покинуть Агентство при первой же возможности. В том, что чувства, которые они питали друг к другу, да и сам их союз таили в себе смертельную опасность, они не сомневались. Если им и удастся сбежать, то выжить они сумеют, только полностью сменив личность и всю оставшуюся жизнь скрываться в подполье. Им ли было этого не знать! Агенты оставляли службу, либо погибнув при исполнении, либо просто исчезнув, растворившись в никуда, а их коллегам мягко, но твердо предлагалось не задавать лишних вопросов. Правда, агенты уходили и на пенсию, но остатки своих дней, как утверждали, проводили под строгим, хотя и ненавязчивым наблюдением. Чаще всего в этой связи поговаривали о некоей ферме, разумеется, не о ферме Хеллстрома. Это был приличный дом отдыха, однако точного местонахождения его не знал никто. Упоминали северную Миннесоту. Слухи ходили о высоких стенах, охране с собаками, кортах для гольфа и тенниса, бассейнах, отличной рыбалке на закрытом озере, шикарных гостевых домиках и даже отдельных апартаментах для женатых. Без детей. Иметь детей в этой конторе означало подписать себе смертный приговор.

Карр и Жанверт для себя решили: они хотят детей. Сбежать им удастся, вероятно, когда они будут за океаном. Новые документы, новые лица, новые деньги, новый язык – все было в пределах непосредственной достижимости. Все, за исключением одного – самой возможности. Это было зрелое, взрослое решение, столь же серьезное, как и опасность, какой они подвергались на работе в Агентстве. Но они обязательно сбегут – однажды, как только появится шанс.

Дипо говорил что-то, возражая Мерривейлу. Жанверт попытался ухватить нить разговора – нечто о молодой женщине, которая пыталась сбежать с фермы Хеллстрома.

– Портер на сто процентов уверен, что ее не убили, – произнес Мерривейл. – Просто силой вернули в тот амбар, где, как нам сообщили, у Хеллстрома главная студия.

Из доклада Агентства по вопросам Проекта-40

Означенные документы выпали из папки, принадлежавшей человеку, идентифицированному как помощник Хеллстрома. Как указано в сопроводительном письме, инцидент произошел в начале марта прошлого года в главной библиотеке Массачусетского технологического института. Колонтитул каждой из страниц содержал название Проект-40. Основываясь

на анализе текста и диаграмм (см. Приложение А), наши эксперты пришли к выводу, что перед нами – план разработки того, что может быть названо дезинтегратором тороидальных полей. Описание содержит схему генератора электронов (или элементарных частиц), способного влиять на качество материи на значительных расстояниях. Документы, к сожалению, попали в наше распоряжение в неполном виде. Из того, что стало известно Агентству, невозможно определить точное направление дальнейших исследований, хотя наши лаборатории рассматривают все возможные ходы, включая и самые провокационные. Очевидно, кто-то в организации, управляемой Хеллстромом, работает над прототипом устройства. Пока нам неизвестно (1), будет ли он приведен в рабочее состояние; (2) работает ли он и каковы планы по его использованию. Тем не менее, если исходить из предположений доктора Цинстрома (см. Приложение Джи), мы должны готовиться к худшему. Цинстром в частной беседе уведомил нас, что лежавшая в основании Проекта-40 теория вполне убедительна и в случае успешного завершения работы по созданию означенного генератора, достаточно большого и снабженного достаточными по мощности усилителями, способными создать необходимой силы резонанс, он может быть использован для разрушения земной коры, последствия чего могут стать катастрофическими для жизни на планете.

– В общем, не работа, а подарок, – наконец сказал Мерривейл, обращаясь к Карлосу. Он прикоснулся к верхней губе, словно погладил воображаемые усы.

Кловис, сидевшая чуть позади Дипо, лицом к Мерривейлу, увидела, как внезапно покраснела шея Карлоса. Ему явно не понравилась двусмысленность последних слов Мерривейла. Утреннее солнце врывалось в кабинет через правое окно и, отражаясь от светло-коричневой поверхности стола, бросало мрачные блики на лицо директора оперативного отдела.

– Перудж пытался взять кинокомпанию с другой стороны, но безрезультатно, – произнес Мерривейл.

Карр закашлялась, чтобы подавить почти истерическое желание рассмеяться.

– В данных обстоятельствах, как я надеюсь, вы понимаете, мы не можем идти напролом, – продолжил Мерривейл. – У нас мало данных. Ваша задача – их найти. Зацепка – кинопроизводство. Самый многообещающий ход.

– А о чем эти фильмы? – спросил Жанверт.

Присутствующие обернулись и посмотрели на него. *Интересно, почему он задал этот вопрос*, подумала Кловис. Жанверт редко делает что-либо случайно. Хочет выудить дополнительную информацию?

– По-моему, я об этом уже говорил! – раздраженно бросил Мерривейл. – Про насекомых. Они снимают кино про этих долбанных насекомых. Я и сам удивился, когда читал доклад Перуджа. Признаюсь, поначалу думал, будто они снимают порнокомпромат, а потом шантажируют тех, кто попался. Особенно, если это солидные люди.

Дипо, испытывая отвращение к акценту Мерривейла и к самой его манере разговора, потел в глубоком кресле. Какого черта он отвлекается?

– Я не уверен, что понимаю, в чем заключается деликатность нашего дела, – произнес Жанверт. – Что не так с этим киношником и в чем состоит опасность? Я полагал, фильм станет для нас ключом.

Мерривейл вздохнул. Вот чертов зануда!

– Хеллстром помешан на экологии. А вы знаете, насколько деликатен этот предмет в политическом смысле. Нам также известно, что он является консультантом нескольких,

повторяю, весьма влиятельных персон. Могу назвать одного сенатора и троих конгрессменов. Если бы мы двинулись на Хеллстрома открытым фронтом, реакция была бы суровой.

– Значит, экология, – кивнул Дипо, стараясь вернуть беседу в деловое русло.

– Да, экология, – отозвался Мерривейл, акцентируя слово так, чтобы его можно было при желании срифмовать со словом «содомия». – У этого типа есть доступ к значительным средствам, и нам, кроме всего прочего, нужно выяснить про его источники.

– Давайте вернемся к долине, – предложил Дипо.

– Да уж, это на сегодня главное, – согласился Мерривейл. – Вы видели карту. Семья Хеллстрома владеет этой маленькой долиной со времен первых поселенцев. Среди них была Трова Хеллстром, бабка нынешнего хозяина, вдова.

Жанверт потерял глаза. Как это представлял Мерривейл? Хрупкая вдова, палящая из горячей деревянной хижины по атакующим индейцам, в то время как ее отпрыски тушат пламя, передавая друг другу ведра с водой? Нет, этот тип не вписывается ни в какие разумные рамки!

– Вот карта, – произнес Мерривейл, доставая ее из стопки бумаг, лежавших на столе. – Юго-восточный Орегон. – Он ткнул в карту пальцем: – Охраняемая долина. Ближайший островок цивилизации – этот город, Фостервилл. Но нам от его присутствия ни горячо, ни холодно.

Почему это? – подумала Карр. Она украдкой взглянула на Жанверта, но тот изучал свою ладонь с таким вниманием, словно только что нашел на ее поверхности нечто удивительное.

– Съёмки идут в этой долине? – уточнил Дипо.

– Нет, конечно, – покачал головой Мерривейл. – Господи, Карлос! Вы не читали последние приложения к своему файлу?

– В моем файле не было приложений!

– Проклятие! Как у нас в этой конторе хоть что-то получается? Ладно, возьмите мой файл. Если коротко, то Хеллстром и его команда с камерами и оборудованием мотается по всему миру: Кения, Бразилия, Юго-Восточная Азия, Индия. Все это есть в приложениях. – Мерривейл похлопал ладонью по сложенным на столе бумагам. – Потом посмотрите.

– А что насчет Проекта-40? – спросил Дипо.

– Именно это и привлекло наше внимание, – объяснил Мерривейл. – Те бумаги были скопированы, а оригинал положен на место. Помощник Хеллстрома вернулся, нашел свои документы там, где они и были, и ушел. Тогда мы не осознали значения этой находки. Так, думали, обычные черновики. Нашему человеку из сотрудников библиотеки стало просто любопытно, не более, однако интерес рос по мере того, как эти бумаги поднимались все выше по кабинетам Агентства. К сожалению, у нас не было шанса вновь встретить этого типа из компании Хеллстрома. Наверное, он сидит взаперти на ферме. И мы полагаем, что Хеллстром не подозревает, что нам кое-что известно о его маленьком проекте.

– Это напоминает научную фантастику, – заметил Дипо. – Слишком уж все невероятно.

Не исключено, что поводом для вторжения в дела Хеллстрома были совсем не подозрения относительно какого-то Проекта-40. Вполне возможно, что Хеллстром разрабатывает нечто, что напрямую угрожает одной из групп, которые финансируют деятельность Агентства. В этом деле нельзя ничего сказать наверняка.

– По-моему, о Хеллстроме я уже слышала, – вступила в разговор Карр. – Это не тот энтомолог, который протестовал против использования ДДТ, когда?..

– Да, – отозвался Мерривейл. – Фанатик. Вот план фермы со всеми службами, Карлос.

И это все, что он мог сказать мне? – подумала Карр. Устроившись с ногами в кресле, она взглянула на Жанверта, и тот улыбнулся ей. *Он играет с Мерривейлом и считает, что я тоже в игре,* решила Карр.

Мерривейл развернул карту и принялся водить по ней своими длинными тонкими пальцами.

– Здесь амбар, тут хозяйственные постройки. Это главный дом. Мы имеем все основания полагать, и об этом свидетельствуют доклады наших сотрудников, что в амбаре у них главная студия. Вот бетонное сооружение, рядом с воротами. Не могу сказать, для чего оно. Вы должны это выяснить.

– Может, нам просто войти на территорию, как ни в чем не бывало, и все осмотреть? – спросил Дипо.

Он по-прежнему оставался в недоумении относительно предстоящей операции.

– А та молодая женщина, которая хотела убежать... – начал он.

– Да, это было двадцатого марта, – перебил его Мерривейл. – Портер увидел, как она бежала из амбара. Домчалась до северных ворот, и там ее перехватили двое мужчин, выскочивших из-за ограды. Откуда они появились, определить не удалось. Они-то и вернули женщину в студию.

– В отчете Портера сказано, что эти люди были в чем мать родила, – произнес Дипо. – Если бы мы составили доклад властям с описанием...

– И нам пришлось бы объяснять, что мы там делали, и у нас был бы лишь один свидетель против множества сообщников Хеллстрома, а тут еще эта новая мораль, которая распространяется среди членов общества!

Чертов лицемер! – подумала Карр. Все же знают, как Агентство использует секс в своих целях.

Жанверт подался вперед и сказал:

– Мерривейл! Вы придерживаете часть информации, и я хочу знать, какую. У нас есть доклад агента Портера, но самого Портера среди нас нет, а он мог бы кое-что прояснить. Портер, вообще, в пределах досягаемости или нет? – Он вновь устроился в кресле и закончил: – Достаточно ответить – да или нет!

То, что делает Эдди, не так уж безопасно, подумала Карр. Она внимательно наблюдала за Мерривейлом.

– Мне не нравится ваш тон, Коротышка, – заявил директор оперативного отдела.

Дипо откинулся в кресле и прикрыл ладонью глаза.

– А мне не нравится то, что вы из всего делаете тайну, – усмехнулся Жанверт. – Я хотел бы знать обо всем, что содержится в докладе.

– Нетерпеливость – не лучшее качество хорошего агента, – укоризненно покачал головой Мерривейл. – Хотя я понимаю ваше любопытство. Материалы по данному делу не предполагают специального допуска, и Перудж это особо оговаривал. Что нас беспокоит, так это не сам Проект-40, а целая комбинация факторов, которая указывает на то, что действия Хеллстрома фактически (он произнес «фактически» с сильнейшим акцентом, очевидно, для того, чтобы все оценили важность этого слова) являются прикрытием серьезной и в высшей степени разрушительной политической активности.

Чушь собачья, подумал Жанверт.

– Насколько серьезной? – уточнила Карр.

– Хеллстром крутился вокруг полигона в Неваде. А еще он проводит энтомологические исследования. Его фильмы идут под видом документальных. А для своих так называемых исследований Хеллстром использует ядерные материалы и...

– Почему «так называемых»? – воскликнул Жанверт. – Разве он не может делать то...

– Нет. Посмотрите сами – все это есть в докладах! Обратите особое внимание на то, как Хеллстром и его люди пытаются сформировать нечто, подобное коммуне. А это уже симптом! Они всей командой постоянно держатся в своем замкнутом кругу – куда бы ни поехали. А этот интерес к формирующимся африканским нациям, а многочисленные поездки на полигон в Неваде, а экология! Это же настоящая бомба!

– Он коммунист? – спросил Жанверт.

– Да, возможно.

– А где Портер?

– Портер? – Директор оперативного отдела помолчал. – Здесь все непросто. Я уверен, что вы понимаете деликатность нашего положения в этом...

– Нет, не понимаю, – отозвался Жанверт. – Что случилось с Портером?

– Это одна из тех проблем, с которыми будет разбираться Карлос Дипо, – ответил Мерривейл.

Дипо внимательно посмотрел на Жанверта, а потом на Мерривейла. Ты сделал вид, будто ничего, кроме карты, его в этом мире не интересует.

– Портер пропал? – спросил Дипо.

– Где-то в окрестностях фермы, – произнес Мерривейл. – Предположительно.

Из записей праматери Тровы Хеллстром

Некое ощущение угрозы полезно для вида. Она стимулирует размножение, делает вид более внимательным к тому, что происходит вокруг. Впрочем, слишком большая угроза отупляет. Одной из задач вождя Термитника является поддержание уровня стимулирующей угрозы на должном уровне.

Солнце опустилось на холмы, возвышавшиеся позади Дипо над Охраняемой долиной, и тот принял необходимые меры, чтобы лучи уходящего светила не очертили контуры его тела и не раскрыли местонахождения для возможных наблюдателей. Однако такой свет давал и преимущества, сделав более четкими детали фермы – ограды, тропинки на противоположных склонах холма, старые панели западного фасада студийного амбара.

И по-прежнему – никаких следов человеческой активности возле строений и указаний на то, что люди есть и в самих помещениях. Только раздражающий гул продолжал исходить из амбара, и Дипо, пытаясь понять его природу, решил, что это шум от кондиционеров. Жаль, что он не может посидеть под таким кондиционером и отдохнуть от жары и пыли, которая поднималась из зарослей сухой травы с каждым его движением.

А еще, сказал он себе, неплохо бы выпить чего-нибудь холоденького.

То, что вид фермы полностью соответствовал тому, что значилось в докладах, не свидетельствовало ни о чем.

Дипо вновь поднял бинокль и принялся изучать долину. Атмосфера ожидания буквально пронизывала местность перед глазами наблюдателя, словно невидимые силы сосредоточились на границе долины, намереваясь через считанные мгновения наполнить ее жизнью.

Интересно, а что Хеллстром делает с продуктами, которые производит на своей ферме? И почему незаметно никаких проявлений человеческой деятельности? Долина и ее окрестности поражали своей живописностью, и тем не менее не было ни одного отдыхающего, ни одного любителя загородных пикников – ни в долине, ни на ее грунтовых дорогах. Почему обитатели Фостервилла обходят эти места стороной? Что их отталкивает от фермы и прилегающих к ней лесов и полей? Портер, кстати, был этим тоже заинтригован. По всем признакам здесь можно было бы неплохо поохотиться, но Дипо не увидел ни оленей, ни охотников. Ручей был слишком мелок, чтобы привлечь рыболовов, однако...

Белоплечий орлан, хлопая крыльями, уселся на дерево позади места, где лежал Дипо, издал пронзительно-хриплый крик, после чего снялся с ветки и, перемахнув долину, скрылся в зарослях на противоположной стороне.

Дипо проследил за полетом птицы – это же первый за все время наблюдений пример высокоорганизованной жизни в долине! Один-единственный живой организм, и тот – белоплечий орлан! Вот вам результат целого дня работы! Впрочем, он же орнитолог, не так ли? Малень-

кий незаметный любитель живой природы, странствующий коммивояжер, торгующей фейерверками компании «Голубой дьявол» из Балтимора, штат Мэриленд. Дипо вздохнул и подался назад, в тень дуба, пышной кроной нависшего над гребнем холма. Он тщательно изучил карты, результаты аэрофотосъемки, отчет Портера, прочие доклады, где описывались ферма и ее окрестности. Каждая деталь прочно засела в его памяти. Вновь взявшись за бинокль, Дипо всмотрелся в тропу, по которой явился сюда. Полный покой и отсутствие какого-либо движения и на луговине, и в окружающих ее зарослях. Ничего. Странность происходящего все больше занимала и беспокоила Дипо. Один-единственный белоплечий орлан! Птица. Складывалось впечатление, будто животная жизнь была могучим ураганом выметена из окрестностей Охраняемой долины. Почему у Портера об этом ничего нет? А стадо, пасущееся на северной оконечности долины, дальше, в сторону Фостервилла? Между ними и территорией фермы нет изгородей, однако животные постоянно держатся на расстоянии, несмотря на обилие корма вблизи хозяйства Хеллстрома.

Почему?

Неожиданно Дипо сообразил, почему поля вокруг фермы выглядели такими странными. Они были девственно чистыми.

С них никто не снимал урожай. Естественные следы сельскохозяйственных работ – стебли злаковых, листья, ветки, – все это отсутствовало, словно было тщательно сметено и вывезено. На склонах дальнего холма раскинулся плодовый сад. Дипо вернулся на свой наблюдательный пункт и направил туда бинокль. И здесь – чисто! Никаких следов гниющих на земле фруктов, никаких опавших листьев или веток – ничего!

Чисто.

Но по всему периметру долины росла густая, высокая трава.

Дополнения к дневнику, внесенные собственноручно Хеллстромом

Естественно, что ключевые сотрудники получают дополнительную пищу, но в равной степени важным представляется и то, что они продолжают брать полагающуюся им долю из чанов переработки. Именно там мы все берем то, что дает нам ощущение нашей неразделимой общности. Идентичность химического состава, обеспечиваемая чанами переработки, не позволяет нам стать теми, кем стали сущности, обитающие за пределами фермы, – оторванными друг от друга одиночками, без всякой цели слоняющимися по дорогам жизни.

К концу дня желание увидеть в долине хотя бы что-нибудь, напоминающее о человеческом и животном присутствии, стало для Дипо почти навязчивым. Но ничто не нарушало покоя и безмолвия простиравшейся перед его взором местности – только тени росли по мере того, как солнце склонялось к горизонту.

Может, сменить точку наблюдения? – подумал он.

Чем дольше Дипо оставался здесь, на гребне холма, тем меньше ему нравилась его легенда прикрытия. Орнитолог! А птиц тут никаких! Ничего себе легенда! Почему все-таки Портер ничего не сообщил о полном отсутствии здесь крупной живности? Зато насекомых было множество – ползают, жужжат, скачут.

Дипо вновь подался назад с гребня холма и встал на колени. Спина болела от непривычной позы. Обломки сухой травы набились за воротник, под ремень, в носки, в рукава. Дипо попытался изобразить на лице улыбку, как бы смеясь над сопровождавшими его путешествия неудобствами, но получилась какая-то гримаса, и он почти услышал ироничный голос Мерривейла: *Вот часть цены, которую ты платишь, дружище, за право заниматься этой работой.*

Старый сукин сын!

В аккуратных отчетах Портера не было ни слова о наличии охраны на внешнем периметре фермы. Но это ведь свидетельство только одного человека! Интересно, что чувствовал Портер, когда сидел на этом месте, – тогда? На этой работе ты остаешься в живых лишь в том случае, если полностью доверяешь своим органам чувств. А Портер – пропал, и это была весьма важная информация. Она могла ничего не означать, а могла содержать и очень многое – угрозу. И безопаснее было бы верить в худшее. А в худшем случае Портер мертв, и виноваты в этом люди с фермы Хеллстрома. Кстати, Мерривейл именно так и думает. Он на сей счет выразился предельно ясно. Кстати, этот любитель секретов мог бы и поделиться информацией со своими агентами, чтобы тем не гадать, что произошло и что может произойти.

– Вам следует передвигаться с максимальной осторожностью и на каждом этапе помнить, что ваша главная задача – точно определить, что случилось с Портером.

Но ведь этот сукин сын все давно знает!

Нечто, что таилось в разливавшемся над долиной безмолвии, свидетельствовало о скрытых опасностях. Дипо напомнил себе: агенты, полагавшиеся исключительно на отчеты коллег, часто погибали и смерть их была мучительной. Что же это за чертово место?

Дипо вновь всмотрелся в ту сторону, откуда пришел, и не заметил ни чьего-либо движения, ни наблюдающих за ним глаз. Судя по времени, до заката еще часа два. Как раз хватит, чтобы перебраться на узкую оконечность долины и изучить ее.

Дипо поднялся и начал быстро продвигаться в южную сторону, прячась за гребнем холма. Его дыхание стало ровным и глубоким, и он с удовлетворением подумал, что для своих пятидесяти лет находится в отличной форме. Плавание и долгие прогулки – не самый плохой рецепт здоровья, и Дипо страшно захотелось в воду – плыть, плыть... На склоне холма было сухо и жарко, а летевшая со стеблей сухой травы пыль забивала ноздри. Неожиданно возникшее желание поплавать его не сильно обеспокоило, поскольку такие желания периодически возникали у него в течение этих шестнадцати лет, пока он поднимался с должности простого офисного клерка Агентства до статуса одного из самых опытных его агентов. Порой эти неясные позывы были подсознательным рефлексом на таившиеся где-то опасности, но чаще являлись ответом на простой дискомфорт, который испытывало его натруженное тело.

Будучи простым клерком в балтиморском офисе, Дипо также мечтал о том дне, когда станет агентом. В его обязанности входило составлять отчеты об агентах, «потерянных» во время проведения операций, и тогда-то он поклялся себе: если когда-нибудь ему выпадет честь встать в ряды этих отважных людей, он будет предельно осторожен. Дать себе такое обещание было несложно. Дипо был по натуре аккуратен и кропотлив в любом деле, за которое брался, – «идеальный клерк», как посмеивались над ним сослуживцы. И именно эти черты характера помогли ему вбить в свою память все, что касалось фермы и окружающей ее местности, на картах аэрофотосъемки найти точки возможного укрытия и незаметные тропинки.

Тропинки-то были, но ни следа дичи, которая могла бы по ним пробираться, напомнил себе Дипо. А что это за дичь? И этот вопрос усилил его беспокойство.

Однажды Дипо краем уха слышал, как Мерривейл говорит другому агенту:

– Проблема с Карлосом в том, что он прежде всего думает о том, как выжить самому.

Будто старина Мерривейл озабочен не тем же! Вряд ли он стал бы директором оперативного отдела, если бы отклонялся от этой генеральной линии!

Дипо уловил тихое журчание воды, перетекающей через камни водопада. На северной оконечности долины, как это было обозначено на карте, которую он впечатал в свою память, находились заросли мадроны. Дипо укрылся в их тени и принялся внимательно изучать окрестности, особое внимание отдав пути, по какому пришел. Открывшаяся с нового угла зрения долина была так же пустынна, как и прежде, но что-то заставляло Дипо нервничать. Нет, он все-таки дождется темноты, и только тогда отправится в обратный путь.

Дела пока обстоят неплохо, если бы только не это необъяснимое ощущение опасности, грозящей неведомо откуда. Чтобы тщательно, в деталях осмотреть долину, потребуется совсем немного времени. А тогда, может, он не станет дожидаться темноты, а сразу рванет к велосипеду, и потом к фургону, где его возвращения ждет Тимиена. Неожиданно Дипо спохватился. Первое решение – дождаться темноты – слишком глубоко засело в его сознании, и отказаться от него было непросто.

Главное – выжить, напомнил он себе. Выжить.

Дипо резко повернул налево, достал бинокль и через заросли дуба и мадроны скользнул к кустам с маслянистыми листьями, которые прятались за скальными плитами, венчавшими гребень холма. Здесь, в чаще, звук журчащей у водопада воды был достаточно громким. Дипо опустил на четвереньки, заправил свисавший с шеи на ремне бинокль под рубашку, крепко прижал к правому боку рюкзак и, прикинув к земле, пополз между кустов на левом боку, стараясь не повредить бинокль. Вскоре Дипо приблизился к самому каменистому гребню, откуда открылся вид на Охраняемую долину.

Он прикинул к окулярам. Интересно, в каком месте здесь казнили «диких» индейцев? Шум водопада в пятидесяти футах справа не умолкал. Упершись локтями в каменистую почву, Дипо разглядывал долину в бинокль.

Помещения фермы на сей раз находились от него гораздо дальше, а западное крыло главного дома вообще было заслонено амбаром. Зато с этой точки отлично просматривался извиляющийся по территории ручей. Его поверхность была зеркально гладкой, словно замершей, и в ней отражались росшие по берегам деревья и кусты. Дипо разглядел дальнюю оконечность долины с сочными лугами и купами деревьев, между которыми были видны пасущиеся стада.

Почему все-таки животные не приближаются к ферме, где трава гуще и сочнее? Ведь не было ничего, что удерживало бы их на дистанции, – ни канавы, ни изгороди.

Далеко позади пасущихся животных возникло облако пыли. Автомобиль? Это именно та узкая грунтовка, по которой приехали они с Тимиеной. Наверняка она сидит там со своими красками, пишет этот дурацкий ландшафт. Заметят ли они ее? Дипо навел бинокль на пыльное облако и увидел большой крытый грузовик. Он мчался по извилистой дороге, быстро приближаясь к долине. Дипо попытался разглядеть их с Тимиеной в фургон, но холм, буквально нависавший над дорогой слева, блокировал обзор. К тому же они загнали фургон в тень деревьев, росших вдоль боковой дороги. Грузовик мог промчаться мимо. Хотя, какое это имеет значение? Однако странное возбуждение овладело Дипо.

Он перевел бинокль на строения. Кто-то должен выйти и встретить грузовик, и ему удастся наконец увидеть обитателей фермы. Дипо, не отрываясь, смотрел на здания.

Ничто не шевельнулось.

Они же наверняка услышали шум грузовика! Ведь он же слышит его – и с гораздо большей дистанции, да еще сквозь шум водопада.

Где же люди?

На линзах бинокля вновь скопилась пыль. Протирая стекла салфеткой, Дипо напряженно обдумывал ситуацию, начинавшую беспокоить его все больше и больше. Каким образом ферма, на которой, если судить по продуктам ее деятельности, велась исключительно активная жизнь, не выдавала этой активности? Абсурд, да и только! Противоестественная ситуация. Все так дьявольски спокойно! И тут он почувствовал, что за ним наблюдают чьи-то глаза. Дипо перевернулся на спину и всмотрелся в пространство за кустами, но не заметил никого и ничего. Почудилось? Беспокойство усилилось. Возникло и раздражение – он не мог связать свою нервозность и ощущение опасности с какими-нибудь причинами. Что же они здесь прячут?

Несмотря на то что Мерривейл попытался преподнести это дельце как вишенку на торте для особо ценного агента, Дипо с самого начала понял: ситуация кислая. Коротышка Жанверт был того же мнения. Сомнительное дельце. Но это была не та кислота, которая появляется

во рту, если укусишь неспелое яблоко. Наоборот, этой кислотой отдают перезрелые и чуть подгнившие плоды, слишком долго томившиеся в собственном соку.

Грузовик уже въезжал в долину и теперь преодолевал некрутой подъем, ведущий к северным воротам. Дипо вновь поднес к глазам бинокль и увидел в кабине двух людей в белой одежде. Солнце отражалось на ветровом стекле, и ему удалось различить только их общие контуры.

Навстречу грузовику с фермы так никто и не вышел.

Машина повернула около самого забора, и Дипо увидел на белом тенте большие буквы: «Н. Хеллстром, инкорпорейтед». Грузовик стал подавать задним бортом назад, к воротам. Из кабины вылезли два молодых светловолосых человека. Быстро просеменя к заднему борту грузовика, они открыли дверцы и откинули борт. В кузове была установлена широкая разгрузочная консоль на роликах. Молодые люди забрались в кузов и вытолкнули из его тенистых глубин большой желто-серый ящик. Судя по тому, как напряглись их тела, ящик был тяжелый. Они установили ящик на консоль и, подталкивая ее и одновременно наклоняя, спустили его на землю, после чего прыгнули и придали ему вертикальное положение, а потом оттащили от заднего борта.

Что это за ящик, черт возьми? Размером с гроб.

Вскоре молодые люди закрыли заднюю дверцу, сели в кабину и уехали, а ящик так и остался стоять в десяти футах от северных ворот фермы.

Доставка, подумал Дипо. Но что могут привозить в ящиках такого размера?

Значит, у Хеллстрома имеется собственный грузовик, на нем ему привозят на ферму всякие вещи, и его не волнует то, что грузы ждут снаружи, под солнцем. Хотя, с другой стороны, а что в этом необычного? Досье, с которым Дипо познакомился в Агентстве, содержало изрядное количество информации о кинокомпании Хеллстрома. Название – «Н. Хеллстром, инкорпорейтед». Сам Хеллстром – одновременно владелец и менеджер. Делает документальные фильмы о насекомых. Порой участвует и в более солидных проектах совместно с голливудскими и нью-йоркскими компаниями. И все это получало достаточно простое объяснение, пока вы не сядились на гребне холма над территорией принадлежавшей ему фермы, как это сделал сейчас Дипо и как до него – Портер. Что же все-таки произошло с Портером и почему Мерривейл не разрешил проведение прямого расследования по поводу исчезновения человека?

Нет, еще нечто кроется в делах Хеллстрома.

Или, наоборот, в отсутствии их.

Из Проспекта стратегического развития Термитника Хеллстрома

Между экологией и эволюцией установились весьма тесные отношения, оказывающие глубокое воздействие на органическую основу определенной животной популяции, а также чувствительные к ее численности и плотности в отведенной ей ограниченной сфере обитания. Наша цель в аспекте адаптации состоит в уменьшении степени этой чувствительности, что позволит увеличить плотность нашего населения в десять или двенадцать раз по сравнению с тем, что считается возможным в настоящее время. Утвердившись на этой базе, мы сможем существенно варьировать способы выживания.

Конференц-зал был наполнен атмосферой несколько отстраненного нетерпения, когда Дзул Перудж вошел и занял место председательствующего во главе длинного стола, за которым обычно заседал Совет директоров. Положив портфель на стол, он взглянул на наручные часы: четырнадцать минут шестого. Несмотря на воскресный день, явились все – самые важные мужчины и одна женщина, делившие между собой ответственность за существование и работу Агентства.

Без своей обычной долгой преамбулы Перудж сел и произнес:

– У меня был исключительно напряженный день. Сверх того, два часа назад меня вызвал шеф и приказал озвучить перед вами его соображения и рекомендации. Сверху ему поступил ряд вопросов, и он вынужден заняться ими лично. Для него это приоритет.

Перудж окинул взглядом конференц-зал. Это было расположенное в пентхаусе просторное помещение с мягкой мебелью. Серые шторы закрывали двойные окна на северной стороне, придавая солнечному свету, струившемуся по темной полированной крышке стола, густой холодный тон. Легкое нетерпеливое покашливание раздалось из-за стола, но присутствующие не возражали против незначительного нарушения обычной процедуры совещания.

Перудж раскрыл лежавший перед ним портфель, извлек оттуда его содержимое – три тонкие папки – и продолжил:

– Вы видели файл, принадлежавший Хеллстрому. Шеф сообщил мне, что познакомил вас с ним три недели назад. Рад сообщить, что мы взломали код, находившийся на странице семнадцать оригинальных документов. Достаточно любопытный код, основанный на четырех-уровневой конфигурации. Наши люди считают, что он выведен на основе кодов ДНК. Весьма искусно и изобретательно.

Перудж прочистил горло, после чего вытащил из верхней папки тонкий лист бумаги и, внимательно прочитав его, произнес:

– Закодированный текст также относится к Проекту-40, но на сей раз речь идет об оружии. Вот эти слова: «Жало, которое сделает наших рабочих непобедимыми». Весьма красноречиво.

Человек, сидящий слева от Перуджа, воскликнул:

– Вздор! Этот Хеллстром снимает фильмы. Наверняка это фрагмент сценария для его кино.

– Есть кое-что еще, – сказал Перудж. – Документ включает в себя инструкцию по управлению обменным контуром, который наш человек в компании «Вестингауз» считает реальным. Он был сильно взволнован, когда просчитал последствия его использования. Назвал его «еще одним ключом к головоломке». Правда, признал, что ключ далеко не полон – неясно, в какой части контур должен подключаться к более общей схеме. Хотя в кодированном сообщении содержался еще один пункт.

Перудж сделал паузу, явно рассчитывая эффект, после чего оглядел присутствующих:

– Послание однозначное и не предполагает разночтений. Адресату даются указания передавать все последующие сообщения через человека в Вашингтоне. Названо и имя. Это сенатор, чьи действия нам предстоит расследовать.

Перудж усмехнулся. Реакция сидевших за столом была такой, как и предсказывал шеф. Сейчас он полностью владел вниманием собравшихся – редкая ситуация в этом собрании гигантов.

Человек, сидевший слева от Перуджа, спросил:

– И что, никаких сомнений?

– Абсолютно.

Из доклада Дзула Перуджа

Джозеф Мерривейл. Краткая характеристика.

Объекту неведомы такие мешающие деловым связям эмоции, как теплое отношение к коллегам, хотя он и способен в высшей степени правдоподобно их имитировать. Административные способности соответствуют уровню стоящих перед ним задач, хотя ему и недостает инициативности и творческого отношения к делу. Он полностью соответствует определенному нами функционалу должности директора оперативного отдела, и под его руководством отдел работает в высшей степени стабильно. Сам же директор

в случае необходимости, без сомнения, отправит своих сотрудников на смерть.
Рекомендую повышение в должности.

Выйдя из конференц-зала, Перудж ощутил себя триумфатором. Было несколько щекотливых моментов с этой мерзавкой, но он отлично справился, если принять во внимание данные обстоятельства. Перудж так и не понял, зачем они включили женщину в состав Совета директоров.

Когда он вышел на улицу, был дождь. С одной стороны, воздух посвежел, а с другой – запахло мокрой пылью, этого Перудж не любил. Он подозвал такси. За рулем, как назло, была женщина. Но делать было нечего, и Перудж сел на заднее сиденье, попросив:

– Отвезите меня в «Статлер».

Куда еще проберутся эти женщины? Столь хрупким созданиям нельзя доверять работу, требующую сил и выносливости! О женщинах Перудж составил мнение, наблюдая за собственной матерью, которая шла по жизни, раздираемая конфликтом между грузом наследственности и требованиями пола. Насколько ей было известно, среди ее предков были выходцы из Африки, индейцы чероки, португальцы и каджуны. Порой она не скрывала, что гордится своей родословной.

– Не забывай, мой мальчик, – говорила мать, – что твои предки жили в этой стране задолго до того, как белые бандиты ступили на ее берега.

Или напоминала сыну:

– Мы были моряками еще при Генри Мореплавателе, в те времена долгие путешествия означали верную смерть.

Но иногда эти всплески гордости мать обуздывала осторожными предупреждениями:

– Дзул, ты достаточно белокожий, чтобы никто не понял, что в тебе течет негритянская кровь. Играй в белые игры, мой мальчик, – в нашем мире это единственный способ одержать победу.

Что ж, Перудж так и поступил, и победа осталась за ним. Эта мерзавка из Совета директоров принялась с пристрастием допрашивать его по поводу деятельности Хеллстрома, пытаясь поймать на противоречиях. Спасибо, шеф предупредил его об этом:

– Они попробуют распотрошить вас и своими вопросами залезть нам в самое нутро. Разрешаю бить их, не щадя. Удар за ударом.

Таким вот был шеф – настоящий отец по отношению к тем, кому доверял.

Собственного отца Перудж не помнил – тот был всего лишь первым в длинной череде мужчин, пользовавшихся расположением Хуаниты Перудж. Вообще-то девичья фамилия у нее была Браун – банальность, молодая мать легко сменила ее на более таинственное «Перудж». Отец ребенка прожил с Хуанитой достаточно, чтобы назвать младенца Дзулом в честь своего полубратского дядюшки, после чего на рыбацком траулере отправился в коммерческий рейс, который удовлетворил бы самые ужасные мечты Генри Мореплавателя. Во время шторма траулер сгинул недалеко от Кампече.

Любовь к трагедиям была чертой характера Хуаниты. Она наполняла жизнь восторгом постоянного поиска: нужно было непременно найти замену утраченной привязанности, которую время сделало еще более романтической и недостижимой. Что касается Дзула, то Хуанита создала для мальчика миф о могучем Джоне (изначально Хуане) Перудже, бронзовокожем гиганте, способном на любое героическое деяние. Ревнивый Бог забрал его, и это свидетельствовало не в пользу Всевышнего.

Именно эта трагедия, которую Дзул видел сквозь призму фантазий матери, заставила его простить Хуаните отклонения от норм морали, просматривавшиеся в ее поведении. И вообще, первые и самые сильные впечатления от женщин убедили его, что эти создания неспособны выдерживать жестокие удары судьбы, если у них нет отдушины – радостей и удовольствий

постели. Так уж они кроены, и следует с этим мириться. Другие мужчины могут быть с ним не согласны, но, очевидно, они скрывают то, что их женщины ничем не отличаются от прочих.

В агентстве Перудж просто нашел свое предназначение. Здесь сильные искали себе место под солнцем, а тот, кому удавалось сорвать с глаз розовые очки, взлетал и парил над миром. И, самое главное, Агентство было последним оплотом удачи и отваги. Ни одна из целей не казалась здесь недостижимой при том условии, если ты признавал, насколько хрупки и беззащитны люди, особенно женщины.

Эта мерзавка из Совета директоров не являлась исключением. И у нее была своя слабость, несомненно. Впрочем, она была умна и по-своему безжалостна.

Перебирая в уме то, что происходило в конференц-зале, Перудж разглядывал из окна такси умытые дождем улицы. Она бросилась в атаку, достав собственную копию файла. Найдя в нем нужные пункты и просмотрев их, эта мерзавка сказала:

– По вашим словам, компания Хеллстрома – частная корпорация, созданная в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году. Контрольный пакет принадлежит самому Хеллстрому, а управление осуществляют три топ-менеджера: сам Хеллстром, некая мисс Фэнси Колотерми и также некая мисс Мимека Тайкенум.

Она положила файл перед собой и уставилась на длинный стол, после чего продолжила:

– Более всего нас беспокоит следующее обстоятельство: хотя эти две женщины поставили свои подписи под учредительными документами, сделав это в присутствии свидетелей, а подписи их были нотариально заверены, вы нигде не предоставляете сведений об их дальнейшем участии в делах компании Хеллстрома. Почему?

Мой ответ, подумал Перудж, *был вполне адекватен ее наступлению.*

– Да, – кивнул он. – Мы не знаем, откуда они объявились, где получили образование. Обе выглядели как иностранки, но нотариус в Фостервилле не нашел, к чему придраться, да и местный прокурор не возражал против того, чтобы они стали менеджерами корпорации и вели бизнес в этой стране. Мимека, вероятно, это восточное имя, как сказал кто-то из вас, а второе имя, судя по всему, греческого происхождения. Более точной информацией мы пока не располагаем. Однако работаем над тем, чтобы заполнить эту пустую страничку в нашем деле. Ищем.

– Они живут на ферме Хеллстрома? – не унималась женщина.

– Не исключено.

– У вас есть их описание?

– Самое общее: темные волосы, обычные признаки женского пола.

– Обычные признаки женского пола, – усмехнулась эта мерзавка. – Интересно, как бы вы описали меня? Но да ладно! В каких отношениях они состоят с Хеллстромом?

Прежде чем ответить, Перудж выдержал паузу. Он знал, какое впечатление производит на женщин. Перудж был высок – шесть футов четыре дюйма, весил двести двадцать один фунт и считался весьма импозантным. Песчаного цвета волосы отдавали медью, а брови были темными и хорошо очерченными. Глубоко посаженные темно-карие глаза, некрупный нос, пухлые губы и квадратный подбородок дополняли общий эффект агрессивной мужественности. Неожиданно улыбнувшись, он отбил выпад:

– Мадам, я не стал бы вас описывать никому, даже самому себе. Мой долг перед Агентством состоит, кроме всего, в том, чтобы гарантировать ваше инкогнито. Что до этих женщин, то Хеллстром настолько доверяет им, что пожелал, чтобы они вошли в руководство корпорации. Это вызывает наше живейшее любопытство, которое мы и постараемся удовлетворить. Если вы обратили внимание, в документах Колотерми означена как вице-президент, а другая – как секретарь-казначей, причем обе имеют в собственности лишь по одному проценту активов корпорации.

– Сколько им лет?

– Взрослые и дееспособные.

– Они путешествуют с Хеллстромом?

– Такими данными мы не располагаем.

– И вы даже не знаете, имеют ли эти женщины мужей или иных спутников мужского пола?

В минуты размышлений или озлобленности брови Перуджа обычно нависали над глазами, и он привел их в это положение, придав голосу тональность, которая ничем бы не выдала того, что он расстроен фактом своей неосведомленности.

– Это нам также неизвестно, – неторопливо произнес он.

Его оппонент предполагала, будто он расстроен, а потому продолжила свои нападки, теперь уже по поводу Хеллстрома.

– А Хеллстром? Он женат? Есть у него связи с представительницами женского пола?

– Мы не знаем, – ответил Перудж. – Наш доклад содержит всю известную нам информацию.

– Вот как? – усмехнулась она. – И сколько же ему лет?

– Полагаем, тридцать четыре года. Все это время он живет на ферме. Образование получил дома, в течение первых семи лет. Его бабушка, Трова Хеллстром, имела диплом педагога.

– Ну что ж, ответ получен. Только тридцать четыре года! Я не случайно задала этот вопрос. Не слишком ли он молод, чтобы быть причиной нашей столь сильной озабоченности?

– Тридцать четыре года – зрелый возраст, – возразил Перудж.

– Вы говорите, он читает лекции, проводит семинары и коллоквиумы, а также в свое время являлся сотрудником нескольких университетов. Как ему удавалось получать эти должности?

– У него прочная, устоявшаяся репутация.

– А что мы знаем о его связях?

Перудж задумался.

– Это люди, осуществляющие техническое сопровождение его проектов, бизнес-партнеры, – произнес он. – Все это есть в файле.

– Но он пользуется услугами швейцарских банков. Каково его состояние?

– Доступная нам информация также есть в файле.

– А вы не думали осторожно осведомиться об этом у его юристов?

– Вы принимаете нас за идиотов? – вскинул брови Перудж.

Она мгновение молча смотрела на него, после чего ответила:

– Я сказала «осторожно».

– Его юрисконсульт, – начал терпеливо объяснять Перудж, – родом из Фостервилла, городка очень маленького, где даже собачья свадьба не будет тайной.

– Вот как?

Перудж посмотрел на лежавшие перед ним папки. Конечно, эта мерзавка, как и все прочие, сидевшие за столом, понимала, что он сообщает далеко не все. Это было ожидаемо, но она не имела возможности догадаться, сколько и что он оставляет за пределами своего рассказа. Все, что ей оставалось, это подозревать.

– Кто-нибудь из наших людей встречался с Хеллстромом?

Перудж в недоумении поднял глаза на присутствующих. Какого черта они позволяют этой мерзавке выступать от их имени? В высшей степени странно.

– Как вам, вероятно, известно, – начал он, – шеф поддерживает отношения с вице-президентом банка, который ведет дела кинокомпании, реализующей продукцию Хеллстрома. Этот вице-президент встречался с Хеллстромом в неофициальной обстановке и передал нам свой отчет. В ближайшее время мы предоставим его в ваше распоряжение.

– Но этот банк не работает непосредственно с Хеллстромом?

– Нет.

– А мы не пытались выйти на него через наши швейцарские каналы?

– В делах Хеллстрома нет доказанного подлога или обмана. А потому мы не имеем права требовать открытого доступа к швейцарским источникам. Хотя и работаем в данном направлении.

– Что думает по поводу Хеллстрома тот вице-президент банка? – продолжила заседать член Совета.

– В своей сфере это весьма сведущий человек, – ответил Перудж. – Весьма сдержанный, но порой демонстрирующий взрывы весьма сконцентрированной энергии, особенно когда речь идет о предмете его интересов – об экологии.

– Какие зарплаты получают его служащие?

– Кому-то платят по шкале тарифов, согласованной с профсоюзами, кому-то – по цеховым тарифам. Правда, в некоторых случаях мы не получили цифр по уплаченным налогам.

– А эти две женщины включены в финансовые отчеты корпорации?

– Похоже, они работают не за зарплату. Эти двое, как мы считаем, живут на ферме, однако не декларируют никакого дохода. Нам дали понять, что Хеллстром либо не отличается щедростью, либо ведет двойную бухгалтерию. Пока мы не знаем наверняка. Те отчеты, что мы видели, свидетельствуют, что его компания не получает никакой прибыли. Весь доход тратится на текущую деятельность вполне законного характера – я бы сказал, образовательного.

– Не готовят ли они там специалистов по подрывной деятельности?

– Некоторые молодые люди из живущих на ферме изучают там производство кинофильмов и проблемы экологии. Все это детализировано в файлах.

– Детализировано, – бесстрастно повторила член Совета. – Подвергались ли строения на ферме инспекции? Допустим, со стороны экспертов по строительству? У штата Орегон должны быть на сей счет какие-то законы, верно?

– Инспекция проводилась местными властями, – ответил Перудж. – Однако точность информации, которая была получена в ее результате, оставляет желать лучшего. Мы уточним наши файлы, как только получим доступ к более детальным сведениям.

– А что вы скажете по поводу технического персонала, работающего на Хеллстрома? Его операторы, режиссеры? Это известные в сфере кинопроизводства люди?

– Их проекты оцениваются весьма высоко.

– А люди? Как к ним относятся?

– Говорят, они пользуются уважением.

– А что считаете вы?

Перудж едва заметно усмехнулся и произнес:

– Ваш вопрос может иметь смысл только в том случае, если нам нужно будет продолжать расследование в данном направлении. Мы полагаем, что успешные специалисты в данной сфере, как правило, если и вызывают восхищение коллег по цеху, то исключительно демонстративное, под которым часто кроются враждебность и даже ненависть. Восхищение, если понимать это слово в обычном смысле, не имеет отношения к этим людям. Если же оно и есть, то только как индикатор профессиональной компетентности или уровня дохода.

– Сколько раз Хеллстром уезжал с фермы с тех пор, как в наши руки попали те документы?

– Один раз в Кению и один раз в Стенфорд, на два дня.

– Сейчас он также в отъезде?

– Чтобы знать наверняка, нам нужно изучить самую последнюю информацию. Мы отправили на место новую команду. Как только мы освежим наши данные, то немедленно вас проинформируем.

Член Совета кивнула и продолжила:

– Из ваших предыдущих докладов следует, что Хеллстром отлучался с фермы на срок от двух недель до месяца. Кто ведет дела на ферме в его отсутствие?

– Об этом мы пока не знаем.

– Насколько тщательно мы следили за ним во время путешествий, когда он был не так защищен?

– Наши люди просматривали его багаж, но нашли только камеры, пленку, технические компоненты и бумаги. Единственный предмет, о котором он может писать, – это насекомые. Насекомые и только насекомые. В том, что касается его специальности, он настоящий специалист и педант. И мы не нашли ничего, что мы могли бы ему инкриминировать.

– А если подбросить улики?

– Это нецелесообразно, если учесть его авторитет в сфере образования. Он будет протестовать, и к протестам прислушаются слишком многие.

Наконец она откинулась в своем кресле и после небольшой паузы произнесла:

– Информировать своего шефа, что где-то здесь кроется источник прибыли. Мы же не вполне удовлетворены.

Они не вполне удовлетворены! Надо же! Перудж, глядя на дождь, нетерпеливо барабанил пальцами по черной поверхности пластикового сиденья. Они испугались, и этого пока достаточно. Если реализовать Проект-40 на весь его потенциал, но в рамках, о которых они с шефом не стали докладывать Совету директоров, прибыли хватит на всех, включая Дзула Перуджа. Конечно, это никогда не станет оружием. Эта штуковина создавала в своих контурах слишком высокую температуру. А на низких температурах устройство может использоваться при создании продуктов из металла и пластика. Самое малое, оно полностью преобразует металлургию, сократив издержки до умопомрачительного минимума. Вот тогда-то и возникнет настоящая прибыль!

Из инструкции для избранных рабочих

Мы используем язык Внешнего мира, но вносим в него собственные значения. При этом крайне важно не пренебрегать ключевыми различиями – того требуют практики маскировки. Мы совершенно беспомощны перед избранными силами Внешнего мира, и наша главная защита состоит в умении скрывать то, что мы живем среди них, выстраивая свою жизнь по моделям Термитника.

Наступал вечер, и Дипо все больше вспоминал о своих разговорах в кабинете Мерривейла. К делу это не относилось, но его постоянно занимал вопрос – сколько же агентов было уже потеряно в рамках этой операции. Мерривейл был темная лошадка – этот его британский акцент и все такое! Порой Дипо казалось, будто босс восхищается Хеллстромом. Таков уж Мерривейл – единственное, что было способно вызвать его восторг, так это успех. Однако это всегда было приправлено изрядной порцией страха. Чем ближе находился успешный человек, тем больший страх испытывал Мерривейл.

Замкнутая долина пеклась под осенним солнцем. На Дипо наваливалась сонливость, и ему с трудом удавалось держать глаза открытыми. Он заставил себя сосредоточиться на строениях фермы. Если верить последним докладам, то сам Хеллстром должен находиться в одном из этих помещений. Хотя не было ничего, что подтверждало бы эти предположения.

Так почему все-таки Мерривейл восхищался Хеллстромом?

Резкий хлопок двери, донесшийся со стороны фермы, заставил Дипо напрячься. В дальнем левом углу студии-амбара он заметил движение. Появилась тележка на колесах – древнее сооружение, напоминающее тележки носильщиков на железнодорожных станциях. У нее были высокие бортики и большие колеса со спицами. Из глубины амбара послышался высокий командный голос, но слов Дипо не разобрал. Нечто вроде *работать груз*. Смысла в этом не было.

Из-за амбара вышла молодая женщина и направилась к тележке. Первое впечатление – она совершенно голая! Но, рассматривая ее через бинокль, Дипо заметил телесного цвета шорты. Впрочем, ни бюстгальтера, ни блузки на женщине не было. Лишь сандалии.

Женщина приблизилась к переднему борту тележки и опустила торчавшее вертикально дышло. Бинокль позволил рассмотреть ее в деталях. У нее были небольшие упругие груди с темными сосками. Дипо так увлекся, что не заметил появившейся рядом с первой и одетой в той же манере второй молодой женщины. Внешне они были так похожи друг на друга, что могли бы сойти за сестер, но женщины никак не напоминали тех двоих, что в описаниях значились менеджерами корпорации – у этих были светлые золотистые волосы.

Ухватившись за дышло, женщины повели тележку к северным воротам. В их движениях просматривалась плохо сдерживаемая торопливость, что никак не вязалось с тем, как долго привезенный ящик ждал своего часа за воротами. Иных причин для появления тележки Дипо не увидел – женщины явились за ящиком. Что же, интересно, в нем находится? И почему они почти голые? Он вспомнил, как, спуская ящик на землю, напрягались грузчики, и предположил, что на помощь этим двоим, чтобы погрузить ящик на тележку, из амбара должны прийти еще люди.

Однако никто не появился.

Дипо удивленно смотрел, как женщины открыли ворота, подвели тележку к ящику, наклонили ее и легко, без усилия, положили ящик на платформу тележки. Потом закрыли передний борт и, катя тележку за собой, быстро направились к амбару – с той же поспешностью, с которой шли к ящику. Гораздо быстрее, чем Дипо мог предположить, они подвезли свой груз к помещению студии и скрылись за ним. Вновь раздался хлопок.

Весь процесс, как прикинул Дипо, занял не более пяти минут. Поразительно! Да это настоящие амазонки! Нет, поначалу они показались просто отлично сложенными человеческими самками брачного возраста. А может, Хеллстром устроил тут тайное пристанище для любителей здорового образа жизни? Для качков и прочих культуристов? Нагота продефилировавших перед линзами бинокля женщин свидетельствовала о чем-то именно таком. Но Дипо не понравилось это объяснение. Уж слишком деловой была хватка этих двоих, когда они занимались с тележкой и ящиком. Не похожи они на культуристок, сдвинувшихся на здоровье и мускулах. Выглядели женщины как простые работницы, которые занимаются делом, причем знают его так хорошо, что им не нужны ни слова, ни лишние движения. Но почему женщины? Работа-то чисто мужская!

Дипо взглянул на часы – до заката оставалось менее часа. Долина и располагавшаяся на ней ферма вновь погрузились в безмолвие, которое показалось тем более полным, что предшествовал ему краткий период активности, продемонстрированный этими молодыми женщинами.

Что они скрывают в этом ящике?

Низкое солнце осветило гребень холма слева от Дипо и погрузило долину в глубокую тень, хотя на холме напротив свет еще отражался от стеблей сухой травы и листьев. Дипо понимал, что здесь, под темными кустами, у него надежное укрытие, но сама гулкая тишина долины казалась зловещей. Он глубоко вздохнул и утвердился в своем решении дождаться темноты и лишь тогда покинуть это место. Да, все это слишком напоминает ловушку. Дипо сдал назад, в густую тень, и принялся всматриваться в местность, через которую ему предстояло пробираться. Длинные золотые лучи заходящего солнца, тронутые оранжевым, освещали засыпающую долину.

Я поступил как последний дурак, следуя этим маршрутом, сказал себе Дипо. И вне всякой связи с тем, о чем он только что подумал: *Какую ошибку совершил Портер?*

Неожиданная сила, какую продемонстрировали эти полуобнаженные женщины; непрекращающееся гудение, доносившееся из студии-амбара; невысказанные предостережения,

которые он ощущал на совещаниях у Мерривейла и между строк докладов, описывающих дела на ферме Хеллстрома; пустота долины и отдаленное движение животных на горизонте – все убеждало Дипо дожидаться темноты. Так он лежал почти час, глядя перед собой и анализируя сложившуюся ситуацию.

Свет померк. На западе, прямо над линией горизонта, нежно-оранжевую полосу заката рассекли всполохи пурпура. Склоны холмов, обрамляющих долину, утонули в сумерках, и уже было трудно понять – видит ли Дипо детали раскинувшегося перед ним вечернего ландшафта или просто помнит. Но ни один огонь не зажегся – ни в студии-амбаре, ни в главном доме. Когда Дипо выполз из-под куста и посмотрел на небо, то разглядел звезды и далекую светлую ауру над местом, где находился Фостервилл. Ферма же по-прежнему тонула в темноте.

Еще одно предупреждение.

Дипо пошарил вокруг себя, чтобы удостовериться, что выбрался из кустов, после чего встал. Спина у него затекла от напряжения и болела. Шурша бумагой, Дипо достал из рюкзака сэндвич, развернул и, поедая, определился наконец с направлением движения. Зарево над Фостервиллом указывало путь. Сэндвич приободрил Дипо; он сделал глоток воды и закрыл рюкзак.

И вновь навалилось ощущение опасности.

Все это было весьма нелогично, но Дипо привык доверять своим чувствам. Голос опасности был во всем, что он знал об этой местности, что видел и слышал, а также в том, что было скрыто от его зрения и слуха. Все свидетельствовало об опасности, все предупреждало.

Пора сваливать к чертовой матери, сказал он себе.

Дипо вывернул ремешок часов так, чтобы посмотреть на светящийся диск компаса, сверился со стрелкой и двинулся через поле. В стороне от деревьев видимость улучшилась, и он почувствовал себя более уверенно на покрытом сухой травой спуске, по которому пару часов назад приполз на гребень холма.

Укрытая травой земля была неровной, и несколько раз Дипо спотыкался, поднимая клубы пыли, которая щекотала в носу, заставляя его останавливаться и бороться с желанием чихнуть. Ему казалось, будто он слишком шумит, пробираясь сквозь ночную тишину, но дул легкий ветерок и, замерев на мгновение, Дипо слышал, как ветер шелестит в кронах деревьев. Шум, производимый его движениями, и шелест ветра были схожи по тону, и Дипо, замедлив шаг, постарался их синхронизировать. Сделать это было непросто. В носки и под одежду забились слишком много сухой травы, и она раздражала кожу. Медленный темп ходьбы раздражал. Дипо поймал себя на том, что подсознательно ускоряет шаг. Интуиция приказывала: торопись!

Впрочем, светящийся циферблат компаса и небо над городом давали хорошие ориентиры. Дипо различал одиноко стоящие в поле деревья и без труда обходил их. Над всем вышалась темная линия леса, через который он вышел на поле. Где-то там есть звериная тропа, и он должен найти ее. Дипо ждал встречи с тропой задолго до того, как почувствовал под ногами ее жесткую бугристую поверхность, лишенную травяного покрова. Опустившись на корточки, потрогал едва заметные следы копыт – последний олень проходил здесь давным-давно. Еще одно предупреждение.

Дипо выпрямился и собирался уже двинуться вдоль тропы, как вдруг позади себя, в поле, уловил отдаленный шелест. Склонив голову, он прислушался. Этот шелест не был похож ни на шаги, ни на шум ветра в ветвях. Не было и конкретной точки, из которой он исходил – просто откуда-то сзади. В неясном свете звезд виднелись тени от далеких деревьев, общие контуры поля. Шелест постепенно усиливался, и Дипо чувствовал в нем угрозу. Изменился и тон звука – теперь это был не шелест, а гудение. Он выпрямился, повернулся спиной к источнику звука и заспешил по тропе в глубь зарослей. Дипо обнаружил, что может в темноте различать тропу, если станет всматриваться в нее под острым углом.

Вскоре он добрался до зарослей более толстых деревьев – здесь густо росли мадроны и пореже – сосны. Кроны их заслоняли тусклый свет, исходящий от звезд, и Дипо пришлось перейти на осторожный шаг. Несколько раз он сбивался с тропы и не без труда вновь находил ее. Он хотел достать из рюкзака фонарик, но преследовавший его звук становился все громче и громче. Теперь это был шипящий гул. Кто производил этот звук? Как будто толпа женщин в кринолинах продирается сквозь густую траву. Хотя производимый ими звук вряд ли был бы столь механическим. Образ дам в кринолинах заставил Дипо усмехнуться, но тут он вспомнил полунагих женщин с фермы.

Его велосипед был спрятан в кустах, там, где тропа пересекала узкую грунтовую дорогу. Она огибала невысокий холм и тянулась по длинному спуску к другой, возле которой он оставил фургон. На велосипеде была небольшая фара, и Дипо пообещал себе, что включит ее и помчится как ураган.

Но неужели сопровождавший его звук стал громче? И кто, черт побери, производит этот звук? Естественного он или искусственного происхождения? Может, это птицы? Звук теперь доносился из травы по обеим сторонам тропинки, по которой шел Дипо, и создавалось впечатление, будто он попал между флангов наступающей армии. А еще ему казалось, что некие многочисленные существа собираются взять его в кольцо. Дипо попытался увеличить скорость, но было слишком темно, и он постоянно натывался на деревья.

Что же это за звук?

По телу струился пот, страх теснил грудь.

Неожиданно Дипо споткнулся и упал. Шелестящий звук исчез. Несколько мгновений он лежал, не шевелясь, вслушиваясь в тишину. Что за чертовщина? Отсутствие звука было не менее страшно, чем сам звук. Дипо медленно поднялся, и тут же все началось сначала. Звук доносился из-за спины и с боков. Дипо рванулся вперед, почти не разбирая дороги, спотыкаясь и падая, то теряя дорогу, то находя ее.

Да где же этот чертов велосипед?

Шелест окружал его со всех сторон – сзади, с боков, спереди. Задышавшись и едва держась на ногах, Дипо сорвал со спины рюкзак и, покопавшись в его содержимом, нащупал фонарик. Почему он не захватил пистолет? А может, и автомат? Маленький – такой, как у Тимиены. Так что же это за звук? Интересно, рискнет ли он включить фонарь и осветить место вокруг себя? Дипо не мог захватить с собой пушку. Это противоречило его легенде. Он же орнитолог! Теперь Дипо задышался и со свистом хватал ртом воздух. Ноги болели.

Он оказался на дороге, хотя понял это не сразу. Притормозив, попытался осмотреть местность. Наверное, тропа, по которой он бежал, у него прямо за спиной. И совсем недалеко – кусты, где он оставил велосипед. Посветить фонарем? Гудящий шелест окружал Дипо теперь со всех сторон. Велосипед должен находиться справа. Просто обязан быть там! Дипо шагнул в тень, споткнулся о корневище куста и упал на раму велосипеда.

Сдавленно чертыхнувшись, он с трудом встал, поднял велосипед и облокотился об него. Теперь Дипо неплохо видел дорогу – светлая полоса, прорезавшая крошечную тьму. Как здорово было бы вскочить на велосипед и рвануть назад, к Тимиеме! Но шелест становился все громче, будто замыкая его в плотное кольцо. Да пошли они к дьяволу! Он выхватил из рюкзака фонарик и нажал кнопку.

Луч света ударил в кусты, выхватив из темноты фигуры трех молодых женщин, одетых точно так, как амазонки с фермы – в узкие шорты и сандалии. Но их глаза и верхняя часть лица были скрыты за неким подобием масок – тех, с которыми ныряют аквалангисты. В руках амазонки держали длинные жезлы с раздвоенными гибкими концами – нечто вроде антенн старинной системы, и их концы были угрожающе направлены в сторону Дипо.

Из дневника Нилса Хеллстрома

Иногда я понимаю, насколько случайным и несущественным является данное мне имя. Оно могло состоять из совершенно иного сочетания звуков, и тем не менее это был бы я. Имена не имеют значения. И это хорошая мысль. Так говорила прамактер Трова и мои первые учителя. Мое имя – результат случайного совпадения обстоятельств. Если бы я родился в семье людей из Внешнего мира, с присущим им индивидуализмом, меня назвали бы иначе. Сознание этих людей принципиально отличается от моего сознания, их время – не мое время. Когда-нибудь мы, живущие по законам Термитника, вообще откажемся от имен. Слова, произнесенные моей прамактерью, убеждают меня в необходимости поступить так. Совершенное общество не может позволить своим членам иметь постоянные уникальные имена. В лучшем случае имя – это этикетка. Они бывают полезными лишь при временном употреблении. Не исключено, что на разных этапах своей жизни мы будем пользоваться разными именами. Или цифрами. Цифры больше соответствуют тому, что моя прамактерь столь удачно выразила.

В третьем часу ночи Кловис смотрела, как Эдди меряет шагами маленькую комнату ее квартиры. Телефонный звонок разбудил их. На звонок ответил Эдди. Он пришел к Кловис, не таясь. Агентство не возражало против подобных связей. Они даже приветствовались, если только не становились слишком тесными. Никаких последствий и взаимных обязательств – лишь физическое удовольствие, подобное удовлетворению от спортивных упражнений.

Все, что сказал Эдди, повесив трубку, было:

– Это ДТ, – сообщил Эдди. – Мерривейл велел ему позвонить. Они потеряли связь с Карлосом и Тимиеной.

– Боже!

Кловис выскользнула из постели и надела халат. Эдди прошел в гостиную.

– Мне следовало самой ответить на звонок, – сказала она, надеясь вывести Эдди из глубокой задумчивости.

– Зачем? ДТ искал меня.

– Здесь?

– Да.

– А как он узнал, что ты тут?

– Позвонил ко мне, и там, естественно, никто не ответил.

– Эдди! Мне это не нравится.

– Мне тоже!

– Что еще сказал ДТ?

Эдди остановился перед Кловис, глядя на ее ноги.

– Нам опять придется поиграть в брата с сестрой. Ник Миэрли будет нашим папашей, и все мы поедем на каникулы в штат Орегон.

Из дневника Нилса Хеллстрома

По виду Фэнси можно понять, что она несчастна. Жизнь в Термитнике удручает ее. Неужели Фэнси готова к жизни во Внешнем мире? Такое иногда бывает, и каждый случай является предметом нашего беспокойства. Боюсь, что Фэнси снова попытается сбежать. Если это произойдет, придется ей ампутировать нижние конечности. Нам это выгоднее, чем отправлять ее в чаны для переработки. Ее первенец, Сальдо – воплощение наших надежд, и мы не имеем права терять столь мощный производительный потенциал. Плохо еще и то, что Фэнси хороша в работе с насекомыми. Придется пристально следить за ней, пока мы не закончим фильм, над которым трудимся. В общем,

пока все не наладится, я не стану посылать ее с поручениями во Внешний мир. Наверное, следует внушить ей большую ответственность за то, что мы делаем. Я могу передать Фэнси свое видение нашего нового фильма, и это поможет ей справиться с нестабильностью. Этот фильм так для нас важен! Мы считаем его настоящим прорывом на новый уровень. Будут и новые фильмы, и эти ленты помогут миру подготовиться к тому, что мы скажем по поводу выживания человечества. Я знаю, что Фэнси разделяет эту революционную точку зрения. Верит в то, что насекомые переживут нас. Даже праматерь Трова боялась этого, но я вынужден был идти дальше и развивать эту мысль. Выход в том, что мы должны как можно больше походить на тех, чьей модели существования следуем.

– Это вас шокирует? – спросил Хеллстром.

Светловолосый человек обычного телосложения, по виду не более тридцати четырех лет – ровно столько, сколько, как помнил Дипо, давало ему Агентство. Было в нем ощущение собственного достоинства, высокой цели, которое проявляло себя всякий раз, когда Хеллстром останавливал взгляд своих голубых глаз на чем-либо или ком-либо, кто его интересовал. И еще было чувство, что в нем гораздо больше энергии, чем он демонстрировал.

Хеллстром стоял в помещении лаборатории перед пленником, которого привязали к пластиковому стулу. В лаборатории царили полированный металл и сияющие белые поверхности, стекло и циферблаты приборов, освещаемые молочным светом, который струился от ламп, укрытых в нише потолка по всему его периметру.

Здесь же Дипо и очнулся. Он не знал, сколько времени провел без сознания, но голова его была по-прежнему как в тумане. Хеллстром стоял перед ним, а рядом, охраняя пленника, находились две обнаженные молодые женщины. Дипо понимал, что обращает слишком большое внимание на эту очередную пару амазонок, но не мог с собой ничего поделать.

– Вижу, это вас шокирует, – повторил Хеллстром.

– Еще бы, – пробурчал Дипо. – Не очень-то я привык видеть вокруг себя так много голой женской плоти.

– Женская плоть, – усмехнулся Хеллстром и прищелкнул языком.

– А они не будут возражать, что мы так о них говорим? – спросил Дипо.

– Они нас не понимают. Да если бы они и понимали слова, то смысл, который вы в них вкладываете, был бы им неясен. Это смыслы, типичные для Внешнего мира, они необычны для нас, и я хорошо вижу разницу.

Дипо осторожно потянул за путы, которыми был притянут к стулу. Боль до сих пор пульсировала в висках. Болели и глаза. Дипо не мог представить, сколько времени прошло с тех пор, когда в лесу его окружили эти полуобнаженные амазонки. Он вспомнил, что пытался заговорить с троицей, которую из темноты высветил его фонарик, но тут же, ошеломленный, замолчал, поняв, что точно такими же фигурами заполнен весь лес. Но какие-то сумбурные мысли переполнили его голову, мешая сосредоточиться. Голова была – словно ватой набита. Он вспомнил, что стал выдавать нечто совершенно глупое и неуместное:

– Так вот где я оставил свой велосипед!

Господи! Он стоял, держась за этот велосипед, а вокруг кружили эти жуткие водолазные маски! Глаз за масками не было видно, и Дипо не знал, что намереваются делать существа, которые прячут под ними свои лица. Раздвоенные жезлы, качавшиеся около его лица, могли означать лишь одно – угрозу. Он понятия не имел, что это за штуковины, но оружие – всегда оружие. Жезлы заканчивались рукоятками, и амазонки держались за них твердо и уверенно. Раздвоенные кончики издавали гул, и Дипо подумал: а что будет, если он попытается прорвать окружение? И в этот момент какая-то ночная птица спикировала на рой насекомых, привлеченных светом его фонаря. Как только птица поравнялась с Дипо, ближайшая из стоявших

к нему амазонка взмахнула жезлом. Раздалось шипение – тот самый звук, который он услышал в поле. Птица камнем рухнула на землю. Женщина наклонилась к ней и, подняв, сунула в мешок, висевший на плече. Дипо осмотрелся и заметил, что мешки, уже наполненные чем-то, носили на плечах многие из окруживших его амазонок.

– Я надеюсь, – начал он, – что не нарушил ничьих частных владений. Мне сказали, что здесь отличное место для любителя птиц. Это мое хобби – наблюдать за птицами.

Дипо понимал, насколько глупо звучат его слова.

Что это за жезлы? Птица даже не трепыхнулась. Раз – и готово! Похоже на шокер, только мощнее. Мерривейл ничего об этом не говорил. Неужели это и есть Проект-40? Но почему эти амазонки молчат? Так, словно не слышат его или не понимают. Или они говорят на каком-то другом языке?

– Послушайте, – продолжил он. – Меня зовут...

И это было все, что он помнил. Слева раздалось резкое шипение, и Дипо вдруг почувствовал, что его голова буквально взрывается. Да, это он тоже помнил – взрыв боли внутри черепной коробки. Голова болит и сейчас, когда он смотрит на Хеллстрома. Это жезлы – сомнений нет. Две молодые женщины, стоящие теперь около его стула, держат в руках такие же штуковины, хотя водолазных масок на них нет.

Придется выкручиваться, подумал Дипо.

– Почему меня привязали? – спросил он у Хеллстрома.

– Не тратьте нашего времени, изображая простака, – усмехнулся тот. – Мы будем держать вас связанным, пока не решим, как вами распорядиться.

Горло Дипо пересохло, сердце забилося.

– Довольно гнусное словцо, *распорядиться*, – заметил он. – Оно мне не нравится.

Хеллстром вздохнул. Да, слово неудачное. Он устал. Ночь была долгой, и она еще не закончилась. Черт бы побрал этих пришельцев из Внешнего мира. Что им в конце концов нужно?

– Примите мои извинения, – произнес Хеллстром. – Я не хотел бы причинить вам вред или какое-либо неудобство. Вы не первый человек, которого мы ловим в подобных обстоятельствах.

Дипо испытал ощущение *deja vu* – словно из его памяти всплывает нечто полузабытое, но произошедшее не с ним, а с кем-то, кого он хорошо знал. Портер? Он не был слишком близок с Портером, однако...

– А теми, другими, вы тоже *распорядились*? – спросил Дипо.

Хеллстром проигнорировал вопрос.

– Судя по вашим документам, вы являетесь коммивояжером компании, производящей фейерверки, – сказал он. – Один из ваших предшественников, также вторгшихся на нашу территорию, работал на эту компанию. Данное совпадение вам не кажется странным?

Дипо с трудом выдавливал слова из пересохшего рта:

– Если его звали Портер, то в этом нет ничего необычного. Он и рассказал мне об этом месте.

– И он тоже орнитолог, вне всякого сомнения.

Что делать? Дипо вспомнил, как та женщина сбила птицу. Что это было за оружие? Может, в этом кроется ключ к тайне Проекта-40? Дипо решил попытать счастья по-другому.

– Я видел, как одна из ваших приятельниц ночью убила птицу. Не стоило этого делать. Птицы – важная часть...

– Помолчите, – сказал Хеллстром, не оборачиваясь. – Конечно, они убивают птиц, а еще насекомых, кроликов, мышей. Это плановая зачистка. Не только же за вами гоняться!

Дипо покачал головой. Гоняться?

– Зачем они это делают? – спросил он.

– Они добывают еду. – Хеллстром вновь обернулся к пленнику. – Мне нужно время, чтобы решить проблему, созданную вашим появлением, – произнес он. – Я не думаю, что вы отбросите притворство и расскажете мне свою историю.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – усмехнулся Дипо, но пот струился по его лицу, и Хеллстром, естественно, легко прочитал этот знак.

– Ясно, – отозвался Хеллстром, и в голосе его прозвучала горечь. – Не надейся убежать. Эти двое знают, что в случае попытки побега они должны вас убить. И нет смысла с ними разговаривать. Они не говорят. Но у них обостренная чувствительность – по вашему запаху они определяют, что вы замышляете. Вы – чужак в нашем мире, а они специально натренированы, чтобы избавляться от чужаков. Теперь прошу меня извинить.

Он вышел, толкнув в сторону роликовую дверь, но, до того как она вновь встала на место, Дипо увидел залитый молочным светом широкий коридор, заполненный людьми – мужчинами и женщинами, полностью обнаженными. Два человека вышли из двери слева, заставив Хеллстрома притормозить. Это были женщины, и они несли то, что выглядело как обнаженное тело мужчины, но с болтающимися конечностями и головой.

Из дневника Нилса Хеллстрома

Теперь, когда я пишу эти строки, движет мною исключительно тщеславие, заставляющее верить: когда-нибудь явится специалист, который сможет их прочитать и понять. Будут ли такие люди в будущем или же они – исключительно продукт моего воображения? Я знаю, что Термитнику понадобятся эти умелые читатели, они будут нужны ему долго, может, целую вечность. Но это – много дольше, чем мне суждено прожить, и бесконечность времени делает ничтожными мои и без того ничтожные слова. Если тот, кто сейчас читает эти строки, разделяет мой пессимизм, то он, без сомнения, понимает, что потребность в читателях со временем сойдет на нет. И это – действительно важный вопрос: служит ли наша языковая способность некой вечной цели? Ведь может наступить момент, когда эти слова будут жить, а читать их будет некому. Впрочем, если подойти к этому вопросу практически, то все это и так маловероятно, поскольку материал, на котором я оставляю эти записи, со временем может быть признан полезным и использован для других целей. Да, это зазнайство – обращаться к вечности. Странно, но мы поступаем так, повинаясь инстинктам, а они, увы, рассчитаны на краткосрочное действие. Я продолжаю поддерживать план моей праматери по решению проблемы Внешнего мира. Наша задача не в том, чтобы противостоять ему. Мы должны путем компромиссов и постоянного давления абсорбировать людей Внешнего мира, сделать их частью нашего сообщества. Именно этим мы сейчас и заняты, и если вы изменили установленный нами порядок, то тем не менее знайте: помогая вам понять меня, я стараюсь быть полезным в деле строительства вашего будущего.

Днем Хеллстрома разбудила молодая женщина – охранник. На ее мониторе появилось изображение чужака, вторгшегося на территорию Термитника. Сота Хеллстрома была отключена от сети – удовольствие недоступности, которым могли наслаждаться лишь ключевые работники Термитника, а потому охранник пришла к Хеллстрому и, похлопав по плечу, разбудила. Все, что нужно, она сказала ему на языке знаков и жестов, принятом в Термитнике.

Чужак был замечен на вершине холма, над главными строениями Термитника. Он внимательно рассматривал местность через бинокль. Его появление на территории отметили и другие сенсоры, установленные по периметру долины. Свою спутницу чужак оставил в фургоне,

припаркованном на дороге, ведущей в Фостервилл. Все это было передано Хеллстрому за три секунды.

Вздохнув, он выбрался из пуховой постели и жестом дал охраннику понять, что принял информацию. Та покинула соту Хеллстрома, а он, ступая по холодным плитам пола, приблизился к пульту и, активировав банк памяти, вышел на систему сенсоров обеспечения безопасности, после чего сфокусировался на секторе, который указала охранник.

Хеллстром не сразу заметил чужака в густой траве. В эти часы солнце светит в глаза наблюдателю, и увидеть что-то в зарослях непросто. Хеллстром даже подумал – а на тот ли сектор указала охранник? Иногда они вообще становятся излишне нервными, хотя серьезных ошибок пока не совершили.

Хеллстром внимательно изучал бурую траву. В свете жаркого полуденного солнца раскрывшаяся перед его взором панорама казалась никем не потревоженной. Неожиданно в траве на самом гребне холма что-то пошевелилось. И, словно это движение полностью поменяло декорации, Хеллстром увидел чужака – это был мужчина, одетый в такие цвета, выбор которых вряд ли мог быть случайным.

Живя в Термитнике уже более семидесяти лет, Хеллстром научился скрывать свои реакции. Навыки осторожного поведения были им приобретены задолго до того, как он, поменяв себе возраст, вышел из Термитника, чтобы натурализоваться во Внешнем мире. Теперь, увидев шпиона, Хеллстром быстро надел сандалии и белый лабораторный халат. Взглянул на висевшие на стене кварцевые часы – два сорок девять. Часы, отклонение в работе которых составляло четыре секунды за год, были когда-то сконструированы сестрой Хеллстрома, чьи генетические достоинства и уровень подготовки обеспечили ей пожизненное место в лучших лабораториях Термитника.

Хеллстром размышлял о чужаке. Если этот тип будет вести себя так же, как и прочие, взять его можно будет в темноте. Следовательно, нужно пораньше лечь спать и хорошо подготовиться к ночной зачистке. Термитник должен знать, что от него нужно этим шпионам.

Перед тем как покинуть соту, Хеллстром через внешний ретранслятор осмотрел внешний периметр и увидел в дальнем углу долины фургон, а возле него – женщину-художника, которая, вероятно, писала этюд. Он увеличил изображение, отметил нервное напряжение в мышцах женщины, произвольные движения ее головы, когда она мельком бросала взгляд в сторону холмов, окружавших ферму. Что им всем нужно? И кто скрывается за этими шпионами? В том, как чужаки вторгались на территорию Термитника, ощущался профессионализм, и это заставляло сердце Хеллстрома учащенно биться.

Прикусив нижнюю губу, он размышлял о том, что могло бы противостоять возникшей угрозе. Термитник был достаточно силен, пока был скрыт от посторонних глаз, но Хеллстром понимал, насколько он станет уязвимым и как малы окажутся его силы в сравнении с совокупными силами Внешнего мира – если тот обратит на него внимание.

Хеллстром скользил невидящим взглядом по стенам своей соты. Это была ячейка, крупнее прочих, входящая в сложный лабиринт, раскинувшийся под фермой и окружающими ее холмами. Одной из первых ее соорудили колонисты, приведенные сюда после многовековых странствий праматерью Тровой.

– Пора остановиться, возлюбленные потомки мои! Мы, более трех сотен лет жившие скрытой двойной жизнью среди людей Внешнего мира, вынужденные постоянно притворяться, готовые сняться с места при первом же подозрении, пришли сюда, где будет нам укрытие и источник силы.

Праматерь утверждала, что сюда привело ее видение – во сне посетил ее благословенный Мендель, «чьи слова подтвердили нашу уверенность в правильности избранного нами пути».

На ранних этапах образования, до того, как, изображая тинейджера, Хеллстром отправился во Внешний мир, чтобы научиться «книжным знаниям», его сознание наполнялось мыслями праматери Тровы.

– Лучшие должны спариваться с лучшими, – говорила она. – Только так мы получим работников любой специализации для решения всех задач, с которыми может столкнуться Термитник.

Холодным апрельским днем 1876 года, когда, начав строительство Термитника, они принялись расчищать естественные пещеры, находившиеся под фермой, она сказала:

– Мы усовершенствуем наш способ бытия и, таким образом, станем теми «кроткими», кто унаследует землю.

Сота, в которой обитал Хеллстром, датировалась тем самым годом, хотя и прамамень, и копатели уже давно были поглощены чанами для переработки. Шириной сота была шестнадцать футов, длиной – двадцать два, а высотой – восемь. Поскольку сота занимала ответвление естественной пещеры, углы ее были не вполне прямыми. Дверь могла выходить в это ответвление, но было принято решение разместить там трубы в коробах и прочие устройства, обеспечивающие жизнедеятельность Термитника. К настоящему моменту лабиринты Термитника ушли от изначальной системы пещер внутрь Земли более чем на милю, где на глубине три тысячи футов возникло кольцо более двух миль в диаметре, состоящее из искусственных тоннелей. Это было процветающее обиталище более пятидесяти тысяч рабочих (гораздо больше, чем надеялась прамамень), вместе с их фабриками, гидропоникой, лабораториями, центрами селекции и производства и даже с небольшой речкой, которая удовлетворяла их потребность в электричестве. Правда, стены тоннелей ничем не напоминали стены пещер – они были отделаны особо прочным бетоном, главным компонентом которого была растительная слизь.

За все это время, пока Хеллстром здесь жил, стены в его соте оказались увешаны разнообразными рисунками и картами, относившимися к планам развития Термитника. Он не снял ни один из них – следствие расточительной идиосинкразии к новшествам, какую Термитник позволял иметь лишь нескольким избранным работникам. Теперь стены в соте Хеллстрома топорщились многослойным покрытием, которое самой своей толщиной свидетельствовало в пользу жизнестойкости Термитника.

Хотя сота Хеллстрома размерами превосходила обычные соты, ее внутреннее убранство полностью соответствовало принятым в Термитнике стандартам: кровать, на устройство которой пошли грубые балясины из застывшей растительной слизи, с сеткой из сыромятных ремней и пенным матрасом; кресла сходной конструкции, стол с опорами из того же материала, из какого была сделана кровать, но с керамическим покрытием цвета бутылочного стекла; двенадцать изготовленных во Внешнем мире металлических шкафов с картотекой (производимые в Термитнике были прочнее, но Хеллстром предпочел эти – чтобы напоминали о соседях), а также мониторы ретранслятора, напрямую подсоединенные к главному компьютеру. В гардеробе висела одежда фасонов, принятых за пределами фермы. Только ключевые работники имели право носить такую и представлять Термитник в опасном мире, простирившемся по ту сторону периметра Охраняемой долины. Помимо двух ламп на шарнирных кронштейнах, одна из которых висела над столом, а другая над консолью ретранслятора, комнату освещали скрытые люминесцентные трубки, убранные в ниши по периметру потолка – так в Термитнике освещались все галереи, туннели и соты.

Хеллстром мог бы занять одну из более современных сот на нижних уровнях, однако предпочел это место – именно здесь он поселился в тот день, когда его прамамень отправилась в чаны для переработки, чтобы «стать со всеми нами единым целым».

Хеллстром расхаживал взад и вперед по комнате, размышляя о чужаке. Кого тот представляет? Конечно, он явился сюда не из чистого любопытства. Хеллстром почти физически

ощущал, как мощные силы Внешнего мира поворачиваются к Термитнику лицом, обратив на него свой смертоносный взгляд.

Он понимал – нельзя медлить с ответом. Охрана нервничает. Им нужен приказ, чтобы почувствовать, что приняты необходимые меры безопасности. Хеллстром склонился над консолью, закодировал важные инструкции и отправил их по сети. Сейчас они распространятся по всему Термитнику. Ключевые работники осуществят предписываемые чрезвычайной ситуацией действия. Каждый из работников, избранных центральным компьютером, увидит на своем мониторе жестовый сигнал. Молчаливый язык Термитника сплотит их перед лицом опасности в мощную систему обороны.

Но, как бы ни было сплочено население Термитника, Хеллстром знал, насколько хрупкой была их линия обороны. Это пронизывало его душу страхом, и ему отчаянно хотелось погрузиться в забытие, в котором пребывали рядовые рабочие. Все заботы их касались лишь порученных им самых простых и примитивных действий.

Хеллстром открыл ящик картотеки и достал оттуда папку, обозначенную именем «Джулиус Портер». В верхнем углу папки стояла стандартная отметка отдела переработки. Она свидетельствовала о том, во что превратилась плоть Портера – так сохраняют данные о подлежащем заботу скоте, чтобы иметь информацию о геноме, переданном последующим поколениям. Но Портер не оставил после себя тех, кого можно было бы назвать этим последующим поколением. Единственное, что он оставил после себя, так это ощущение таинственной угрозы, которая пока не обрела достаточно ясных очертаний. Нечто в сегодняшнем новом чужаке заставило Хеллстрома подумать о Портере. Он доверял своим инстинктам. Хеллстром просмотрел плотный текст, закодированный стандартным шифром Термитника. Портер имел документы, где значился служащим балтиморской компании по производству фейерверков. Правда, в конце концов он пробормотал что-то о некоем агентстве. В его сведенном ужасом мозгу это агентство было силой, которая, как он надеялся, отомстит за него.

Агентство.

Теперь Хеллстром жалел, что они так спешно отправили Портера в чаны переработки. Это было и слишком жестоко, и не очень предусмотрительно.

Сама идея использовать боль в качестве инструмента для достижения определенных целей шла вразрез с этикой Термитника. Боль была ощутимой, конкретной вещью. Когда от боли страдал работник и ее нельзя было облегчить, он отправлялся в чаны для переработки. Люди Внешнего мира в этих случаях вели себя совершенно иначе. Это была особенность Термитника. Чтобы выжить, нужно было есть, чтобы есть – убивать. Убивая, ты причиняешь боль, однако боль быстро стихает. Продлевать боль – глупо. Необходимость выживания диктует важность иных мер, но Термитник неизменно избегал их.

Вскоре Хеллстром отложил папку и, нажав кнопку на консоли ретранслятора, вызвал командный пункт, расположенный на крыше студии. Прибор, с помощью которого он передавал голосовые сообщения, был разработан и создан в Термитнике, и Хеллстром не мог нарадоваться на качество этого исключительно функционального устройства. Тем временем на мониторе появился Старина Харви. Голос его слегка дрожал. Вообще, в скором времени Харви должен был отправиться на переработку, но его встречу с чанами можно было и отложить, поскольку он был наделен талантами, так остро необходимыми Термитнику именно сейчас. Старина Харви был одним из первых производителей. Его семя можно было найти в любом уголке Термитника. Но он также прекрасно разбирался в жизни Внешнего мира, а потому был одним из самых изобретательных и надежных специалистов по обеспечению безопасности.

По внутренним сетям Хеллстром и Старина Харви говорили открыто. У людей из Внешнего мира не было приборов, с помощью которых они могли бы проникнуть в систему электронной коммуникации Термитника. В этой сфере местные специалисты давно и надежно заткнули их за пояс.

- Ты знаешь о чужаке? – спросил Хеллстром.
- Да.
- Ты сам за ним наблюдал?
- Да. И я послал охранника, чтобы она сообщила тебе о нем.
- Что он делает?
- Просто наблюдает. Через бинокль.
- У нас есть кто-нибудь снаружи?
- Нет.
- А какие-нибудь работы запланированы?
- Только доставка. Алмазы для буров на пятьдесят первый уровень.
- Не забирайте, пока я не разрешу.
- Хорошо.

Хеллстром выдержал паузу и продолжил:

– Нет ли у него устройств, по которым сообщники могут отслеживать его действия на расстоянии?

– У Портера ничего такого не было.

Хеллстром подавил раздражение, но отметил, что и Старина Харви уловил связь между двумя вторжениями.

- Я хотел спросить, проверяли ли вы, – произнес он.
- В процессе. Но еще не закончили проверку, – ответил Харви.
- Это хорошо, что вы не упустили этот момент.
- А как же иначе?
- Сообщи мне, как только будешь во всем уверен.
- Обязательно.
- Как насчет самолетов? – спросил Хеллстром. – Было что-нибудь?
- Чуть более часа назад пролетели два. Реактивные.
- Делали замеры? Есть какие-либо признаки?
- Нет. Коммерческие авиалинии. Все чисто.

Хеллстром кивнул и задал очередной вопрос:

– А этот чужак – он там устроился надолго?

– У него рюкзак, – сообщил Харви. – В рюкзаке ланч. Мы думаем, он будет ждать темноты. Время от времени мы его бьем низкочастотным излучением, чтобы нервничал.

– Отлично. Продолжайте в том же духе. Будет нервничать – наделает ошибок. Но не перестарайтесь, чтобы не сбежал засветло.

– Понимаю, – сказал Старина Харви.

– Теперь про женщину в фургоне. Вы наблюдаете за ней?

– Не спускаем с нее глаз. Чужак пришел с ее стороны. Полагаю, они связаны.

Харви откашлялся громко и хрипло. Хеллстром знал, что Старине Харви уже более двухсот лет и он очень стар для первых колонистов, немногие из которых смогли прожить полную жизнь в Термитнике.

– Вне всякого сомнения, – произнес Хеллстром. – Они в команде.

– А может, это просто случайные путешественники и за ними ничего нет? – предположил Харви.

– И ты в это веришь?

Пауза.

– Не очень. Но все ведь возможно.

– Я думаю, они явились оттуда же, откуда и Портер.

– А если попросить наших людей на востоке поинтересоваться балтиморской компанией «Голубой дьявол»?

– Нет, это может нас выдать, – возразил Хеллстром. – Нужна предельная осторожность – особенно, если эта парочка явилась, чтобы выведать, что произошло с Портером.

– Похоже, мы с ним поторопились, – заметил Старина Харви.

– У меня на сей счет тоже есть сомнения.

– А что за агентство представлял Портер?

Хеллстром задумался. В вопросе Харви было то, что тревожило и самого Хеллстрома. Под конец Портер разговорился. Это было отвратительно, и именно это заставило Хеллстрома поспешить с измелчителем и чанами. Да, кое-что из того, что говорил Портер, в спешке воспринималось без должного внимания. Ни один из жителей Термитника не стал бы вести себя так, как Портер, – даже самый обычный рабочий, который не владеет языком Внешнего мира. Портер пригрозил, что агентство их достанет. Его всемогущее агентство.

– Мы все про вас знаем! – кричал Портер. – Вам от нас не уйти!

Портер был первым взрослым чужаком, видевшим Термитник изнутри, и его истерическая реакция на обычные вещи, необходимые для поддержания существования Термитника, поразила Хеллстрома.

На его истерику я ответил своей, подумал Хеллстром. *Нужно держать себя в руках.*

– Надо более тщательно допросить эту парочку, – сказал он. – Может, они расскажут нам и про агентство.

– Полагаешь, если мы поймаем их, это будет умно? – усмехнулся Харви.

– Это необходимо.

– Может, следует подумать о других способах?

– Что ты предлагаешь? – спросил Хеллстром.

– Пусть наши люди на востоке проведут осторожное расследование по поводу этого агентства. Мы же здесь частично раскроемся. Можно пригласить чужаков и показать то, что у нас на поверхности. Вряд ли у них есть доказательства того, что мы несем ответственность за исчезновение их парня.

– Вот в этом мы как раз и не уверены.

– Они вели бы себя не так, если бы считали нас виноватыми.

– Им известно, что это мы, – возразил Хеллстром. – Правда, они не знают, как мы это сделали и почему. И, если мы частично раскроемся, это не заставит их уйти. Насядут, как муравьи на труп. Да, мы должны раскрыться, но сделать это взвешенно. Наши люди во Внешнем мире получают необходимую информацию, и я постоянно прошу их быть предельно сдержанными и осторожными. Лучше пожертвовать Термитником, чем всем, что мы имеем.

– Пожалуйста, отметь для себя: я не согласен, – произнес Старина Харви.

– Твое мнение обязательно будет учтено.

– Наверняка они пришлют других.

– Полагаю, ты прав.

– И каждая новая команда будет более опытной, чем предыдущая, Нилс. Более квалифицированной.

– Не сомневаюсь. Но чем выше квалификация, тем уже горизонты. Мы это знаем по своим специалистам. Вряд ли эти первые шпионы имеют отношение к главным структурам агентства, которое так интересуется нами.

Колебания Старины Харви свидетельствовали в пользу того, что он не рассматривал эту возможность. Наконец он спросил:

– Ты собираешься поймать кого-то покрупнее?

– Мы должны сделать это.

– Это опасная игра, Нилс.

– Обстоятельства таковы, что мы обязаны рискнуть.

– Тогда я еще больше возражаю. Я жил во Внешнем мире, Нилс. И я знаю этих людей. Твой план может всех нас погубить.

– У тебя есть альтернативный? – спросил Хеллстром. – Менее рискованный? Только, прежде чем отвечать, просчитай все варианты. Последствия цепи событий, которые будут вызваны нашими сегодняшними действиями. С Портером мы совершили ошибку. Мы думали, что он – обычный чужак. Мы таких уже ловили и отправляли в чаны для переработки. Но лидер чистильщиков заметила в нем нечто особое и обратила на него мое внимание. Ошибку совершил я, однако последствия этой ошибки заденут всех нас. То, что я сожалею о ней, не изменит ситуацию в одночасье. Наша проблема усугубляется тем, что мы не в состоянии стереть все следы, которые, направляясь к нам, оставил Портер. Раньше нам это удавалось, отчего я и успокоился. Но долгая история успеха не гарантирует в каждом новом случае автоматически верных решений. Я знал это и тем не менее совершил ошибку. Конечно, я сложу с себя полномочия, однако не изменю своего решения по поводу того, как нам надлежит действовать – с учетом того, что я сделал.

– Нилс, – проговорил Старина Харви. – Я бы не стал настаивать на лишении тебя полномочий...

– Тогда ты должен подчиниться моему приказу. Хотя я и мужчина, но я, как это определила праматерь, являюсь главой Термитника. Она была убеждена в правильности своего выбора, и у нас пока не было повода усомниться в этом. В общем, когда будете изучать состояние той женщины, что осталась около фургона, проверьте, не таит ли она в себе эмбриона.

Старина Харви был уязвлен и раздосадован.

– Я знаю, что нам нужна новая кровь, Нилс. Твои приказы будут немедленно исполнены.

Хеллстром повернул ключ на консоли, и лицо Старины Харви исчезло с экрана монитора. Харви очень стар; к тому же долгая жизнь среди людей Внешнего мира притупила в нем свойственную обитателям Термитника чувствительность к внешним угрозам, а также связующее их всех чувство солидарности, но он умел подчиняться, невзирая на страхи и сомнения. В этом смысле ему можно было доверять безоговорочно, в отличие от человеческих существ, которые развивались во Внешнем мире в условиях жестких ограничений, царивших в том, что население Термитника именovalo «дикими сообществами». Старина Харви был надежным работником.

Хеллстром вздохнул, осознав тяжесть ноши, которую взвалил на плечи, – почти пятьдесят тысяч работников, занятых выполнением своих обязанностей в лабиринтах Термитника. Прислушался к себе, ища ощущений, которые успокоили бы его, мол, у нас все в порядке. Доносившийся снизу звук был подобен гулу пчел, в жаркий полдень собирающих с цветов нектар и пыльцу. Было в этом звуке нечто умиротворяющее, и Хеллstromу было важно вслушаться в голос Термитника, чтобы восстановить силы и душевный покой. Но сегодня эти звуки не принесли ему покоя. Он ощущал беспокойство, усиливающееся по мере того, как его приказы проникали на самые низшие уровни Термитника, а потом, словно эхо, возвращались к нему. Что-то было не так.

Настоятельная необходимость соблюдать осторожность во всем была постоянной заботой Термитника и каждого его обитателя. Сам Хеллстром унаследовал это свойство, еще более развитое праматерью Тровой, а также теми, кого она избрала ему в наставники. Поначалу он возражал против того, чтобы снимать документальные фильмы. Это было похоже на провокацию. Но известный афоризм «Кто знает о насекомых больше, чем тот, кто рожден в Термитнике?» постепенно помог ему преодолеть сомнения, и вскоре он беззаветно предался данному занятию. Термитник неизменно нуждался в этом универсальном символе силы и власти – в деньгах. И фильмы приносили изрядные суммы денег на их счета в швейцарских банках. Деньги шли на удовлетворение тех нужд обитателей Термитника, которые мог удовлетворить лишь Внешний мир, например на покупку алмазов для буров, какими они вспарывали чрево Земли, строя свой лабиринт коридоров и сот. В отличие от «диких сообществ» Внешнего мира,

Термитник искал гармонию со своим окружением, вступал в отношения, чтобы служить его совершенствованию, добиваясь, таким образом, того, что окружение начинало служить Термитнику. И эти взаимоотношения, которые поддерживали Термитник в прошлом, без сомнения, помогут ему сейчас, в это непростое время! *Производство фильмов не было ошибкой*, уверял себя Хеллстром. В них, кроме того, было нечто одновременно и поэтичное, и забавное – они должны были напугать жителей Внешнего мира, показав им реальность в форме разнообразных и многочисленных видов насекомых, в то время как действительность скрытая и более глубокая взрастет на почве страхов, какие она же сама и создала.

Хеллстром вспомнил строки, которые по его настоянию были вписаны в сценарий одного из их последних опытов в документальном кино. «В совершенном обществе не может быть ни эмоций, ни сострадания; драгоценное пространство не должно впустую тратиться на тех, кто пережил свой функционал».

Очередное вторжение шпиона из Внешнего мира напомнило Хеллстрому о пчелином волке. Если этот хищник нападает на улей, пчелы обязаны мобилизовать все ресурсы, которыми располагают. В обществе, основанном на кооперации, судьба каждого есть общая судьба.

Я обязан перехватить инициативу, сказал он себе. *Стать центром и основной силой нашей обороны.*

Хеллстром быстро покинул соту, зашел в ближайшую от нее общую душевую, тщательно вымылся, не обращая внимания на то, что рядом с ним плещется несколько химически стерилизованных особей женского пола, провел по лицу депилятором, сконструированным мастерами Термитника, и вернулся к себе. Там он надел то, что носят люди во Внешнем мире: коричневые брюки, белую хлопковую рубашку и темно-серый свитер, а поверх него – светло-коричневый пиджак. Натянул носки и пару кожаных ботинок, произведенных во Внешнем мире. Подумав, достал из верхнего ящика стола небольшой пистолет иностранного производства и сунул его в карман. У этого оружия был более широкий радиус действия, чем у их шокеров, и, к тому же, чужаки знают, что такое пистолет, а потому им легче напугать их.

Выйдя из своей соты, Хеллстром двинулся по знакомым галереям и коридорам, по которым растекался гул производимых Термитником работ. На его уровне методом гидропоники выращивались овощи. Двери в оранжереи были открыты, чтобы обеспечить доступ сборщикам урожая. Хеллстром отметил, насколько споро идет работа. Рабочие, шагая вдоль рядов растений по двое, собирали в корзины соевые бобы. Посторонний решил бы, будто в оранжерее царит хаос, но здесь не было слышно ни ссор, ни болтовни. Рабочие – при всей скорости, с которой они работали, – не сталкивались друг с другом, не опрокидывали чужих корзин. Наполненные корзины ставились на подъемники, расположенные на дальней от входа стене, и бобы отправлялись на переработку. Необходимые сигналы передавались молча, жестами. Гигантские помещения оранжерей были свидетельством эффективной организации труда. Да и сами рабочие – отлично подготовленные, эффективно стерилизованные, сытые (конвейеры с питанием находились в нескольких шагах по главной галерее), трудились в полной уверенности, что то, что они делают, жизненно необходимо Термитнику и его обитателям.

Двигаясь между снующими туда и обратно рабочими и постоянно уворачиваясь от столкновения с ними, Хеллстром исполнял нечто вроде элегантного танца. Постоянных бригад тут не было. Рабочие покидали оранжерею, когда уставали или начинали испытывать голод. И тотчас же оставленное ими место занимали другие, и каждый знал, что от него требуется.

Лифты на верхних уровнях Термитника были старой модели – громкие и трясущиеся. Хеллстром шагнул к одному из них, но путь ему преградила группа рабочих. Они несли в оранжереи ящики с пророщенными растениями – они пересаживают старые, чтобы таким образом поддерживать непрерывающийся цикл производства пищи, от которого зависела сама жизнь Термитника.

Прибыл идущий наверх лифт. Дверца открылась, и Хеллстром вошел. В кабине ощущался тяжелый животный запах Термитника. Его уничтожали очистные сооружения, выводившие отработанный воздух наружу, но, очевидно, где-то на нижних уровнях возникла утечка необработанного воздуха, и нужно было отправить ремонтников, чтобы они устранили ее. Содержание лифтов и системы вентиляции было постоянной заботой ремонтных бригад, и с утечками надо было решать незамедлительно. Хеллстром отметил – проверить позднее, починили ли систему. Через пару минут он был уже на этаже под полом студии-амбара, и его внимание привлекли более неотложные проблемы.

С этими новыми чужаками он не станет спешить. Чаны для переработки могут и подождать.

Из дневника Нилса Хеллстрома

В устных преданиях, существовавших за сотню лет до появления первых письменных хроник, сказано, что традиция бережного сохранения и переработки всего принадлежащего колонии белка возникла в глубокой древности. Я сомневаюсь в этом. Скорее всего, это красивый миф, и реакция людей из Внешнего мира подтверждает это мое предположение. Праматерь Трова считала, что чаны переработки – прекрасная метафора ничем не сдерживаемого общения между поколениями Термитника, метафора той открытости друг к другу, которой отличаются отношения между его жителями.

– Если кто-то из нас умирает, – говорила она, – ничто из его навыков, умений и опыта не исчезнет вместе с ним; то, чему он научился за время своей жизни, станет общим достоянием.

На всем протяжении существования письменной традиции никто не подвергал этот миф ревизии, и я не собираюсь делать это, по крайней мере, открыто. И поступаю я так, кроме всего прочего, еще и потому, что этот миф придает нам сил. Вероятно, именно так возникает религия.

На верхних этажах лабиринта осторожность как основной принцип жизни Термитника становилась вещью вполне видимой и осязаемой. Стальная лестница вела к небольшой площадке, выгороженной под защитными перекрытиями и звукоизоляционными щитами, заведенными под лаги, на которые был настлан многослойный пол. Лестница заканчивалась около потайной двери, которая открывалась в кабинку туалета, расположенного в подвале амбара. Когда собирающийся выйти наружу работник поднимался на вершину лестницы, перед ним появлялся небольшой экран, с его помощью можно было узнать, есть кто в туалете или нет. Если кабинка была пуста, ее внешняя дверь запиралась и работник выбирался в помещение туалета, а оттуда – наружу, в подвал студии-амбара.

У основания лестницы был еще один монитор, рядом с ним сидел охранник. Он жестом дал понять Хеллstromу, что посторонних в студии нет, и тот начал подъем. Лестница была закреплена на стене одного из вентиляционных колодцев, выходивших на крышу, и Хеллстром ощущал вибрацию вентилятора, гнавшего наружу отработанный и очищенный воздух. Выйдя из кабинки туалета, он оказался в пустой душевой, откуда прошел в подвал, где помимо туалетов размещались костюмерная, монтажная, склад пленки и реактивов, а также артистические уборные, гримерные и реквизит. Если бы сюда попал человек из Внешнего мира, то не увидел бы здесь ничего необычного. Вокруг него сновали бы работники студии, не обращая на гостя ни малейшего внимания. Обычная лестница в конце длинного коридора через систему звукоизоляции вела к шлюзовому проходу, а оттуда уже можно было попасть в помещение студии, занимавшее большую часть амбара.

Из протокола заседания Совета управления Термитника

Последние расчеты выявили, что Термитник начинает испытывать острую нужду в процедуре роения, когда численность его переваливает за шестьдесят тысяч. Без той поддержки, которую способен оказать Проект-40, подобное роение позволить себе мы не можем. При всей изобретательности наших специалистов мы бессильны против совокупной мощи Внешнего мира, чьи машины для убийства способны полностью уничтожить нас. Преданность Термитнику заставит наших работников гибнуть тысячами в самоубийственных попытках обеспечить будущее нашего вида. Нас – тысячи, а врагов – миллионы. Природа жестока, и пути ее неисповедимы, но она учит нас: прежде чем выйти на свет, ты должен тщательно подготовиться. Вооружившись теми средствами, которые обеспечит нам Проект-40, мы сможем явиться перед ликом Внешнего мира, и если кто-нибудь из нас умрет, то не без пользы – не для себя, а для всего нашего вида.

– Говорят, как всегда, – произнес Жанверт, повернувшись к Кловис. – Вежливо, твердо, но уклончиво.

За окном квартирки, где они находились, был уже день, и Кловис оделась в ожидании вызова, который, как оба они знали, скоро последует.

– Они советуют тебе запастись терпением, – сказала Кловис, вновь усевшаяся в своей любимой позе на длинном диване.

– И еще кое-что – добавил Жанверт. – Перудж, похоже, сам собирается возглавить команду. Хотя старине Мерривейлу это совсем не нравится.

– Думаешь, Мерривейл хотел бы пойти сам?

– Нет конечно! Но ведь он директор оперативного отдела. А теперь, когда на дело отправится Перудж, он не сможет отдавать ему приказы. То есть останется директором лишь номинально. Кому такое понравится?

– А Перудж точно пойдет?

– Вне всякого сомнения.

– Это объясняет, почему у них мало информации.

– Да.

Жанверт пересек комнату и сел на диван рядом с Кловис. Взял ее ладонь в свою руку и, поглаживая, произнес:

– Ты знаешь, мне страшно. Впервые за все время, пока я работаю в этой чертовой конторе. Я всегда понимал, что им на нас плевать, но Перудж... – Он судорожно сглотнул. – Перудж испытывает особую гордость, когда ему удастся угробить человека – нашего или чужого.

– Ни в коем случае не говори им об этом, – посоветовала Кловис.

– Не стану. Для них я буду счастливчик Коротышка, с готовой шуткой и улыбкой на физиономии.

– Ты считаешь, мы сегодня отправимся?

– Самое позднее – к ночи.

– Меня всегда интересовал Перудж. Кто он в действительности? Это забавное имя и все такое прочее...

– По крайней мере, у него есть имя, – заметил Жанверт. – А вот шеф...

– Этот – вообще темная лошадка!

– А ты никогда не думала, что мы, может, работаем вовсе не на правительство? Например, наш босс представляет некое скрытое суперправительство, которое управляет тем, что на виду?

– Об этом я знать не желаю, – ответила Кловис.

– Правильно! Отличная позиция, самая безопасная! – воскликнул Жанверт и, встав с дивана, вновь стал бродить по комнате.

Разумеется, Кловис права. Здесь все в «жучках». Они точно знали, где его искать. И ничего с этим не сделаешь: если ты работаешь, чтобы превратить мир в аквариум, то и сам оказываешься в нем. Задача лишь в том, чтобы стать рыбкой покрупнее – той, что смотрит за остальными, помельче.

Из Проспекта стратегического развития Термитника Хеллстрома

В процессе отбора работников, производителей и специалистов разных сфер, в процедурах формирования коллективного сознания Термитника на основе имеющихся в распоряжении химических и иных манипулятивных средств мы исходим из того, что потенциал развития нашего основанного на кооперации общества должен реализовываться с величайшей осторожностью. Каждое поколение является в этот мир как продолжение предыдущего, а каждая отдельная особь – это продолжение своих братьев и сестер. Так, развиваясь количественно и качественно, мы займем подобающее нам место во вселенной.

Хеллстром вошел в студию, которая занимала большую часть северной стороны амбара, и тотчас молодая женщина, ассистент режиссера, работавшая возле стеклянного улья, жестом подозвала его. Он заколебался, раздираемый желанием, с одной стороны, поскорее подняться на крышу, на командный пункт, и, с другой – необходимостью поддержать атмосферу сотрудничества в коллективной работе, какую Термитник вел в сфере кинопроизводства. Конечно же, Хеллстром узнал молодую женщину – она была из той небольшой группы, которую специально подготовили для контактов с людьми Внешнего мира на случай, если тем придется оказаться на студии с какими-то вполне законными целями. Женщина принадлежала к генетической линии «Нилс-8»; слабое зрение, которым отличались представители этой линии, должно быть скорректировано в процессе производства. Подобные особи были также вполне во вкусе людей внешнего мира – это был генетический тип «Фэнси».

Хеллстром обратил внимание, что члены второй съемочной группы стоят вокруг улья, сложив руки на груди. Задержка в производстве фильма была чревата дополнительными тратами. Он оценил возникшие проблемы. Старине Харви можно доверять – он беспрекословно выполнит приказ. А вот деньги, которые они получают от продажи фильмов – вещь жизненно необходимая. Хеллстром направился к ассистенту режиссера и ее стоявшей без дела команде. У ассистентки было простоватое лицо, его совсем не украшали большие старушечьи очки и тугой шиньон, в который были стянуты светлые волосы. Но у нее была полная фигура, и, вероятно, она была фертильна. Интересно, а исследовали ассистентку на предмет возможности деторождения?

Подойдя к ней, Хеллстром использовал имя, данное ей для общения с Внешним миром.

– Что случилось, Стелла? – спросил он.

– У нас проблемы с этим ульем. Я хотела позвать на помощь Фэнси, но мне сказали, что вы дали ей какое-то задание, от которого она не может освободиться.

– Да, – кивнул Хеллстром. Кто-то понял его буквально, когда он распорядился держать Фэнси под постоянным наблюдением. – Что с вашими пчелами?

– Они набрасываются на матку всякий раз, когда мы пытаемся извлечь ее, чтобы снять. Последний раз, когда это произошло, Фэнси сказала, что поможет нам.

– А другие способы она не называла?

– Можно еще использовать транквилайзер – в еду или в воздух вокруг улья.

– Вы это сделали?

– Нет. Наоборот, мы хотели, чтобы пчелы были более активными.

– А Фэнси не говорила, в чем причина подобного поведения?

– Она считает, тут что-то в атмосфере – либо атмосферное электричество, либо химия, которую выделяют наши тела.

– А сейчас мы сможем начать съемку?

– Эд думает, что можем. Он хотел пригласить вас для съемок эпизода в лаборатории – там, где вы в сценарии.

– На сколько назначена съемка?

– На вечер, часов на восемь.

Хеллстром замолчал, размышляя о других делах, не требующих отлагательства.

– Полагаю, у меня получится, – наконец произнес он. – Передай Эду, пусть готовит аппаратуру. Я уже поспал и готов работать всю ночь, если необходимо.

Хеллстром повернулся и ушел. То, что он сказал Стелле, было уместно – он должен поддерживать покой и заведенный порядок. Но в том, как ведут себя ее пчелы, он увидел метафору жизни Термитника. Если в улье нарастает беспокойство, пчелы способны выйти из-под контроля и вести себя непредсказуемо. Хеллстром жестом просигналил оператору подъемника, стоявшего в центре студии, показав на себя и на чердачный этаж. Через него можно было подняться на крышу амбара, на командный пункт.

Стрела подъемника, на конце которой раскачивалась клеть, где обычно размещался оператор с камерой, опустилась с грацией богомола, бросившегося на добычу. Хеллстром вошел в клеть, и стрела, описав широкую дугу, подняла его к площадке перед дверью чердака. Выйдя из клетки, он еще раз оценил то, насколько это устройство удачно служило и целям безопасности, и задачам прикрытия. Никто не мог подняться на чердак без помощи души и телом преданного Термитнику оператора, и одновременно использовать подъемник в качестве лифта было вполне естественно – иных же путей на чердак не было!

По центру чердака тянулась труба – ровно до середины амбара. Во второй половине прятались выходные отверстия вентиляционных каналов, а также была устроена площадка для визуального контроля над окраинными частями долины. Вдоль края площадки лежали свернутые веревки, одним концом привязанные к стойкам ограждения. Вербки, с которыми работники Термитника тренировались, но пока ни разу не пробовали в деле, обеспечивали срочный спуск с чердака. Снизу не было видно ни веревок, ни внутренней стены, расположенной вдоль прохода; ни дверей, ведущих в различные секретные помещения на крыше амбара.

Хеллстром миновал видимую часть прохода, уловив легкий запах пыли. Нужно напомнить бригаде уборщиков, что в студии пыли быть не должно. Проход, с которого было видно все, что происходит там, мимо стены, оборудованной звукоизоляцией, привел его к замыкающим эту часть чердака шлюзовым дверям, блокирующим лишний свет и звук.

Пройдя темным коридором между дверями, Хеллстром вошел в комнату, где со своей аппаратурой располагался Старина Харви. Внутри было мрачно и пахло Внешним миром – запах доносился через жалюзи на торцевой стене. Ряд зеленоватых экранов был встроен во внутреннюю стену, напротив системы, которая должна была в случае опасности обеспечить самоуничтожение студии-амбара – термитная смесь, составлявшая начинку устройства, могла в считанные минуты сжечь амбар, обрушив его обгорелые останки на огнеупорные герметичные заглушки на основе той же растительной слизи, которые наглухо запечатали бы Термитник сверху. Сегодняшние тревоги заставили Хеллстрома вспомнить то, как они планировали и соорудили все эти системы, повинаясь требованиям безопасности, позволявшим сохранить Термитник так много лет.

Услышав шаги Хеллстрома, Старина Харви поднял голову от консоли. Он был седым, с крупным удлинённым лицом, придававшим ему сходство с сенбернаром. Складки на щеках только усиливали это сходство. Широко поставленные карие глаза казались добрыми, но Старина Харви не был добряком. Однажды Хеллстром видел, как Харви одним взмахом разде-

лочного тесака обезглавил впавшего в истерику работника, но Хеллстром был еще ребенком, а истерию позднее вывели из генома производителей.

– Где чужак? – спросил он.

– Он поел, после чего сполз с гребня, – ответил Харви. – Теперь направляется к верхней оконечности долины. Если устроится там, где я думаю, мы сможем наблюдать за ним прямо через жалюзи, с помощью бинокля. Свет у нас выключен, поэтому чужак ничего не заподозрит.

Отлично! Осторожность прежде всего!

– Ты смотрел материалы по Портеру? Я заметил, что ты...

– Да, смотрел.

– Что ты думаешь по этому поводу? – поинтересовался Хеллстром.

– Те же приемы. Одежда в тон растительности. Готов поспорить, что он орнитолог.

– Полагаю, ты выиграешь спор.

– Но, вообще, действует профессионально. – Харви взглянул на один из экранов и сказал: – А вот и он, как я и ожидал.

На экране был виден чужак, пробирающийся под кустами к точке, откуда перед ним откроется панорама на долину.

– Оружие у него есть? – спросил Хеллстром.

– Сенсоры показывают, что нет. Кроме бинокля наверняка есть фонарь и складной нож. Посмотри – там, на склоне, муравьи, и это ему не нравится. Отряхивается.

– Муравьи? А как давно мы чистили эту зону?

– Месяц назад. Хочешь, чтобы я уточнил?

– Нет, просто пометь для себя: пора ее зачистить. Отправь маленькую группу. Пусть принесут несколько гнезд. Они нам нужны для гидропоники.

– Хорошо, – кивнул Харви и, повернувшись к одному из ассистентов, передал ему приказ на языке жестов. Потом вновь обратился к Хеллстрому:

– Этот Портер был странный тип. Я размышлял над тем, что он нам сообщил. Оказалось, немало.

– Ему не повезло с родом занятий, – сухо заметил Хеллстром.

– А что им нужно, как ты думаешь? – спросил Харви.

– Каким-то образом мы привлекли внимание некоего официального агентства. Похоже, все, что они ищут, – это средство удовлетворить свою паранойю.

Старина Харви криво усмехнулся:

– Не нравится мне это.

– Мне тоже.

– А ты уверен, что принял верное решение?

– Лучшее, на которое я способен. Сначала нужно захватить эту парочку. Один из них наверняка знает больше, чем безвременно покинувший нас мистер Портер.

– Надеюсь, ты прав, Нилс.

Из дневника Нилса Хеллстрома

Трое наших молодых генетиков сегодня вновь посетили фертильных особей женского пола, и некоторые генетики старшего поколения обратились ко мне с жалобой. Пришлось в очередной раз объяснять им, что произошедшее не имеет особого значения. Нельзя подавлять производительный импульс, периодически возникающий в организмах наших активных ключевых работников, которым необходимо поддерживать свои интеллектуальные способности в нужном тоне. Как это хорошо известно старым генетикам, я и сам был не прочь время от времени предаваться подобным занятиям, и на меня тоже жаловались. Когда они наконец поймут, что результативность генетических манипуляций, если учесть современный уровень нашего

развития, весьма ограничена? К счастью, эти ретрограды уходят со сцены в полном соответствии с нашим лозунгом: «В чан идешь старым, из чана – молодым». Конечно, все отпрыски, появившиеся вследствие этой последней вылазки, станут объектом нашего самого пристального внимания. Не исключено, что среди них будут настоящие таланты. А мы знаем, сколь отчаянно Термитник нуждается в талантливых особях!

Мерривейлу пришлось не по душе тон, которым Перудж беседовал с ним по телефону, но он попытался скрыть это, говоря неторопливо и спокойно. Перудж был явно разозлен. Он представлял собой серьезное препятствие на пути Мерривейла к очередной должности. Начальник оперативного отдела думал, что хорошо понимает Перуджу, но был серьезно обижен его реакцией, которая в очередной раз дала ему понять, что в табели о рангах Агентства тот занимает более высокую позицию.

Мерривейла отозвали с очередного совещания, где обсуждались кандидатуры для новых команд, которые надлежало забросить в Орегон. Начальник оперативного отдела оставил совещание нехотя, хотя и без задержки – Перуджу нельзя заставлять ждать. Он был одним из немногих избранных, кто ежедневно встречался с шефом. Может, даже знал, кто скрывается под маской шефа.

На столе у Мерривейла на блоке промокательной бумаги лежал канцелярский нож в виде миниатюрной кавалерийской сабли, и, слушая Перуджу, он втыкал его в бумагу, нанося ей особо глубокие уколы, когда разговор принимал болезненный для него оборот.

– Это было еще в самом начале месяца, Дзул, – говорил Мерривейл, понимая, что это объяснение Перуджу не удовлетворит, – и мы тогда еще не знали того, что нам известно сейчас.

– А что нам известно сейчас? – В голосе Перуджу звучали обвинительные нотки.

– Есть некто, кто заставляет наших людей исчезать.

– Мы прекрасно знали это.

– Но мы не знали того, насколько решительным будет противостояние.

– У нас что, так много людей, что мы можем разбрасываться ими в поисках столь важных фактов?

Лицемер! Именно Перудж виновен в том, что мы теряем так много агентов, подумал Мерривейл. *Он отдавал ясные и недвусмысленные приказы, которые и стоили нам стольких людей.*

Пробив очередную дыру в промокательной бумаге, Мерривейл нахмурился. Как только он закончит этот разговор, сразу же прикажет поменять изуродованный блок промокашек.

– Дзул! Все агенты знают, насколько опасна наша работа. И отлично просчитывают шансы.

– Но насколько хорошо вы просчитываете их шансы?

– Это несправедливо, – заметил Мерривейл, пока не понимая, с какой стати Перудж нападает на него. Может, там у них, наверно, серьезные проблемы?

– Вы глупец, Мерривейл, – не унимался Перудж. – Вы потеряли троих хороших агентов.

– Я отдавал ясные и четкие приказы, и вы это знаете.

– И, отдав эти приказы, вы решили, что поступаете наилучшим образом.

– Естественно!

Мерривейл почувствовал, как пот собирается у него под воротником. Он запустил туда палец, чтобы почесать взмокшую шею, после чего произнес:

– Мы не могли точно сказать, что случилось с Портером. Вы велели отправить одного. Таковы были ваши слова.

– А когда Портер... исчез?

– Вы сами говорили, что для исчезновения у него могли быть и личные причины.

– Какие еще личные причины? У него лучший из всех послушной список.

– Но вы упоминали, что он поссорился... со своей женой.

– Неужели? Не помню.

Вот так всегда, подумал Мерривейл. Под ложечкой у него противно засосало.

– Вы сами из-за этого предложили послать двойную команду, но с одинаковыми задачами.

– Ни о чем подобном я не знаю, Мерривейл, – отозвался Перудж. – Вы отправили Дипо и Гринелли в эту оregonскую крысиную нору, а теперь сидите и извиняетесь. Когда исчез Портер, вы обязаны были объявить в том районе официальные поиски. Разве это не повод – пропажа человека, отправившегося в отпуск?

Вот в чем состоит наш новый подход, подумал Мерривейл. *Если все получится, лавры достанутся Перуджу, а если провалимся, виновным буду я. Хитро!*

Вслух же он сказал:

– Полагаю, именно этой линии вы и станете придерживаться, когда вернетесь из Орегона?

– Вы отлично знаете, что так и будет.

Вероятно, сам шеф слушает их разговор, подумал Мерривейл. *Господи! Какого черта я вообще влез в этот бизнес?*

– Вы уже сообщили новой команде, что я сам поведу их? – спросил Перудж.

– Я как раз проводил с ними совещание, когда вы позвонили.

– Вот и хорошо. В течение ближайшего часа я уеду и встречу с ними в Портленде.

– Я им передам, – кивнул Мерривейл.

– И передайте им следующее: данную операцию мы должны провести с максимальной осторожностью. Это важно. Никакой игры на публику и дешевых эффектов, ясно? У Хеллстрома весьма влиятельные друзья, и я обязан вам напомнить, что вопросы экологии нынче – взрывоопасные. Хеллстром сказал нужные вещи нужным людям, и теперь они готовы считать его экологическим мессией. К счастью, есть и другие, кто считает его фанатиком и безумцем, и я уверен, что наше мнение возобладает. Понятно?

– Да.

Мерривейл уже не пытался скрыть досаду. Шеф слушал, что ему говорит Перудж – в этом нет сомнения. И вся эта беседа была заранее продуманной сценой – готовилось жертвоприношение, и Мерривейла назначили козлом отпущения.

– Все-таки я не уверен, что вы поняли меня до конца, – произнес Перудж. – Но, надеюсь, уяснили достаточно, чтобы в дальнейшем точно выполнять мои приказы и более не допускать этих отвратительных ошибок. Приступайте.

И – щелчок на другом конце линии.

Мерривейл вздохнул и положил трубку на рычаги аппарата со встроенным шифровальщиком сигнала. Все было сказано открытым текстом. Придется ему жонглировать хрустальной вазой, и, если она разобьется – по его вине или по чьей-либо еще, – пальцем все равно укажут на него, Мерривейла. Ну что ж, он уже бывал в подобном положении, да и сам так поступал в отношении своих подчиненных. Выход один – он должен взвалить всю ответственность на кого-нибудь другого, но сделать это аккуратно, чтобы дело выглядело так, будто вожжи он по-прежнему держит в своих руках. Единственным кандидатом на эту роль был Коротышка Жанверт. Жанверта в этой команде нужно назначить номером вторым, сразу вслед за Дзулом Перуджем. Ведь сам Перудж не уточнил, кого бы хотел иметь вторым номером, и с его стороны это была серьезная ошибка. Да, все логично – Коротышка годится. Да и Перудж несколько раз намекал, что Жанверту он не доверяет. Обосновать свой выбор Мерривейлу будет нетрудно – Коротышка человек находчивый, с развитым воображением.

Из Проспекта стратегического развития Термитника Хеллстрома

Стерилизованный работник – источник гармонии и свободы в любом обществе. Даже «дикие» сообщества имеют таковых, хотя чаще всего –

под маской фертильности, плодом которой являются реальные отпрыски. Но последние не могут участвовать в свободной творческой жизни «дикого» сообщества, а потому подвергаются стерилизации. Таких работников легко опознать. Они не отягощены грузом интеллекта, их эмоциональный мир беден и маловыразителен, индивидуальность у них стерта. Они растворены в массе подобных себе созданий. В этом отношении ни Термитник, ни сообщества насекомых не предлагают вселенной что-либо новое. То, что имеют насекомые, и то, что мы копируем у них, так это тип общества, где все работники вместе трудятся, чтобы создать некое подобие Утопии – совершенного общества.

Вторая группа потратила на съемку лабораторного эпизода с мышами и осами почти шесть часов. И все равно Хеллстром не был уверен, что на пленке осталось то, что он хотел показать в этом эпизоде. Со временем Хеллстром стал очень внимателен к художественным достоинствам того, что они создавали. А тот съемочный материал, который он успел просмотреть, был весьма далек от идеала. Хеллстром же стремился к совершенству, к абсолютному качеству – и совсем не потому, что от этого зависел столь важный для Термитника доход студии. Он желал качества ради качества, причем во всех аспектах жизни Термитника.

Лучшего качества специалисты, высшее качество жизни, безупречное качество того, что создает Термитник, – все было взаимосвязано.

По окончании съемок Хеллстром попросил оператора вновь поднять его на крышу амбара. Пока группа работала над эпизодом, где Хеллстром был одним из действующих лиц, ему постоянно поступали сообщения от участников ночной зачистки, и это его беспокоило. Уже перевалило за полночь, а женщина, сопровождавшая пойманного чужака, так и не была схвачена.

Одной из главных забот Термитника было создание и воспитание работников, которые могли бы стать буферной зоной между Термитником и Внешним миром, причем умных и неподкупных. Ни по глупости, ни из корысти они не могли бы рассказать чужакам про то, что таится под Охраняемой долиной и окружающими ее холмами. Теперь же Хеллстром всерьез опасался, а не пропустили ли они какой-нибудь генетический дефект у особей, занятых зачисткой? Мужчину легко поймали за живой изгородью, окружающей западные луга. Так же быстро установили местонахождение фургона, но упустили женщину. Вряд ли она сумеет ускользнуть, но пока никто из чистильщиц не нашел ее следов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.